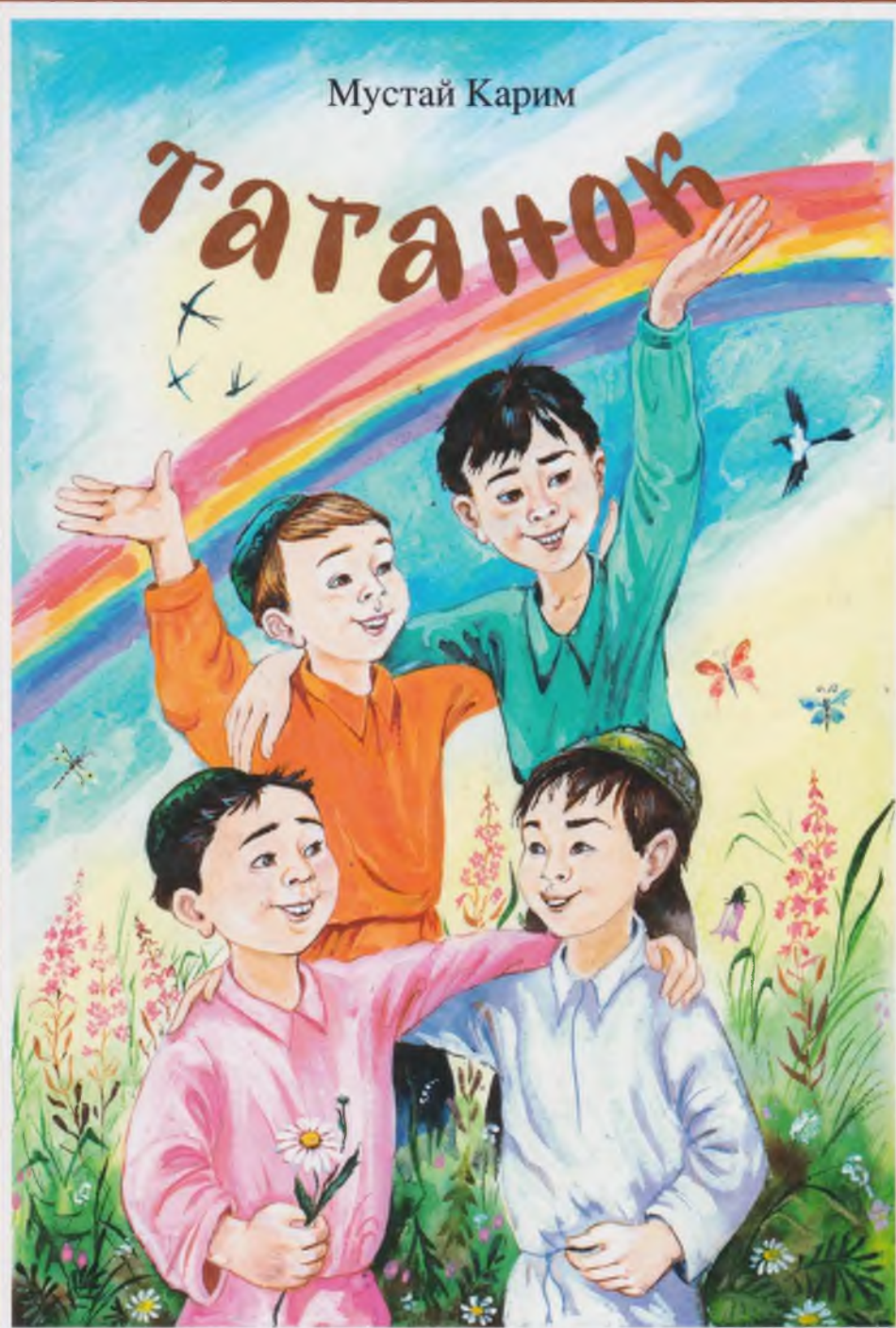

Мустай Карим

Татанок

Мустай Карим

Таганок

ПОВЕСТЬ

Учебно-методический центр «Эдвис»
«Маленький гений Башкортостана»

Уфа - 2011

Дет. отд.	Чишминская ЦСБ	70390 - 15520 Чишминская централизованная библиотечная система
--------------	-------------------	---

УДК 821-31
ББК 84(2Рос=Баш)6-445
К 23

Перевод с башкирского В. Осеевой

Мустай Карим
К 23 Таганок. Повесть / Рис. И. Волковой. — Уфа: Учебно-методический центр «Эдвис», «Маленький гений Башкортостана», 2011. — 112 с.
ISBN 978-5-88956-068-5

© Учебно-методический центр «Эдвис», 2011
© «Маленький гений Башкортостана», 2011
© Каримова А.М., 2011 .
© Каримов И.М., 2011

Об авторе этой книги

Народный поэт Республики Башкортостан Мустай Карим — автор многих замечательных стихотворений, поэм, пьес для взрослых. Весь жизненный и творческий путь Мустая Карима озарен одной большой любовью. Душа этой удивительной любви — Башкортостан.

Для юных читателей он написал две повести. Первая — «Радость нашего дома» — посвящена братской дружбе и героическому подвигу наших народов в Великой Отечественной войне, судьбам детей, захваченных войной.

Повесть «Таганок» рассказывает о жизни и делах башкирских ребят в послевоенные годы. С большим юмором и доброй улыбкой рисует автор героев повести — четырех друзей, их игры, ссоры и примирения, серьезные и смешные приключения. «Таганок» — одна из самых захватывающих повестей великого мастера. Повесть пронизана глубокой любовью к стране детства.

Читателя не оставит равнодушным стремление друзей делать большие полезные дела, стать честными, волевыми джигитами. Писатель хорошо знает и с любовью рисует современную башкирскую деревню и ее людей.

Великие личности рождаются в народе. Мустай Карим — великий сын Башкортостана, выдающийся поэт, ставший поистине народным. Он не только замечательный писатель, мыслитель, видный общественный деятель, но и верный солдат нашей Отчизны, который с оружием в руках защищал ее от фашистов в годы Великой Отечественной войны, настоящий патриот и гражданин своей страны.

Народный поэт Башкортостана Мустай Карим за выдающиеся заслуги перед Родиной удостоен Ленинской и Государственной премий, звания Героя Социалистического Труда, он стал гордостью нашей национальной культуры. Его творчество смело донесет будущим поколениям радости и тревоги нашего времени, голос нашей земли, нашей республики. Мустай Карим — целая эпоха. И его память будет жить в сердцах миллионов людей... И новые поколения читателей будут черпать духовные силы из мудрого и светлого родника творчества Мустая Карима.

АУЛ БЕРКУТНЫЙ

Приходилось ли вам бывать в Беркутном? Нет? Как же это вы можете жить, не повидав один из самых красивых аулов на свете? Трудно вам, конечно... А ведь есть люди, которые не только повидали этот аул, но и родились и выросли в нем... Вот это настоящие счастливицы, что и говорить! Подумайте сами, только родился, и тут тебе пожалуйста — аул Беркутный! И все-таки не поймешь людей. Есть такие чудачки даже среди самих беркутовцев, которые вдруг по собственному желанию уезжают куда-то за тридевять земель, в далекие-далекие города и страны, о которых и слыхом-то не слыхать было. Поезжают они, посмотрят всё своими глазами, а потом возвращаются в родной аул и рассказывают всякие чудеса и забавные истории. Я не говорю о войне, на войну у нас уходили многие, но никто не ушел туда, чтобы повидать что-нибудь забавное. На войне об этом не думают... А вот в мирное время даже старики, которые не могут разлететься, как молодые орлы, по всему свету, и те постоянно мечтают о далеких землях, где растут апельсины и лимоны, о бездонных морях и океанах, о странах, где не бывает зимы, и краях, где долго длятся белые, как день, ночи...

«Эх, съездить бы да повидать бы это все своими глазами!» — мечтают многие. А вот почему-то не приходилось еще встретить человека, который бы хоть раз воскликнул: «Эх, съездить бы да повидать Беркутный!»

Просто даже удивительно, как это люди могут быть такими нелюбознательными и равнодушными. Жаль, конечно, таких людей.

Как я уже сказал, в нашем Беркутном многие поездили и повидали свет, да и те, которые никуда не выезжали, тоже не совсем темные. Отличают белое от черного. Вот взять хотя бы нашего пастуха Шарифулла-агай*. Сам-то он дожил до шестидесяти лет и ни на один день никуда не отлучался из своего аула, а весь земной шар знает как свои пять пальцев! Вот послушайте только, что он вам расскажет!

«Красную краску делают из воды Красного моря, черную краску — из Черного моря, белую — из Белого моря... А там, — говорит, — дальше есть и Желтое море, и Зеленое, и Голубое... Какую хочешь краску, ту и зачерпнешь! А еще, — рассказывает Шарифулла, — есть в теплых краях такие степи, что если на восходе солнца покатить по этой степи яйцо, то оно будет катиться без задержки до самого захода солнца...»

Вот вам и Шарифулла! Нигде не бывал, а все знает!

А наш Беркутный лежит среди Уральских гор, покрытых лиственными и хвойными лесами. С обеих сторон аула два больших озера. Одно из них называется Калканкуль — Озеро-щит, а другое Кылыс-куль — Озеро-меч. Калкан подальше, а Кылыс совсем рядом с аулом. Весной, как только на склонах гор зазеленеет трава, вода Калкана становится теплой, как парное молоко, а вода озера Кылыс остается холодной, как лед, и даже среди лета, если войдешь в нее, обжигает холодом все тело.

На свете ничто не рождается само по себе, и о появлении этих двух озер ходят разные легенды. Будто бы в давние времена при защите Урала от чужеземцев в одного богатыря попала стрела. Упал богатырь на землю, и меч, который он держал в правой руке, отлетел в одну сторону, а щит с левой руки — в другую сторону. Там, где упал меч, появилось холодное озеро, а там, где упал щит, — теплое озеро. И, если спросите вы, почему же воды озер оказались разными, тот же Шарифулла охотно ответит вам:

* *Агай* — дядя; всякий старший мужчина.

«Да потому, что меч — злое оружие, сделанное для того, чтобы убивать, а щит — доброе оружие, сделанное для того, чтобы защищать людей».

Глубоки и красивы эти озера, но не только в них прелесть аула Беркутного. Вокруг него, будто играя вперепонки, до самых глубоких небес поднимаются высокие горы. Между горами, словно покрытые зеленым бархатом, затканным яркими цветами, далеко простираются долины и луга. С веселым шумом низвергается чистая родниковая вода; прыгая со скалы на скалу, резвятся дикие козы, и с весенних разливов рек до осенних заморозков там не устая щебечут птицы... В пору весенних гроз в горах стоит сплошной гул, как будто это сами горы, упираясь в синие тучи, с громом и треском разрывают небеса. А жарким летом в лесах растут борщевники толщиной с руку, в передесках созревают сладкие ягоды клубники величиной с голову лесного жаворонка... А на самых вершинах гор, куда не ступала человеческая нога, беркуты выводят своих птенцов. Оперившись, вылетают они из гнезда и с громким клетотом парят над аулом. Вот эти самые беркуты еще много лет тому назад и дали нашему аулу название «Беркутный».

БЕСЕДА НА ГОРЕ КУКРЭК

Высокую гору, что возвышается над озером Кылыс, называют Кукрэк-тау*. Северные склоны этой горы покрыты хвойным лесом, а на южных склонах — ровная целина. Освещенная солнцем, эта гора напоминает голову, бритую только наполовину. В этих краях деревья всегда растут, прижимаясь к северным склонам гор: они как будто хотят укрыть своими ветвями горы от холодных северных ветров. Если подняться на вершину Кукрэк-тау и посмотреть вокруг, то увидишь, как убегает куда-то далеко-далеко край неба, а внизу все дома деревни Тирмэ, расположенной на берегу реки Урал, кажутся не больше

* *Кукрэк-тау* — Грудь-гора.

ульев на пасеке. Даже дым костра, зажженного пастухами на склоне горы, кажется меньше, чем дым, идущий из трубки Шарифуллы.

Только одна вершина Кирамета, на которой до самой летней жары лежит снег, ярко блестит на солнце и ослепительно белеет среди других горных вершин, которые, как синие волны, сбегаются к ней со всех сторон. Чем дальше смотришь на эту вершину, тем становится она ближе и больше, словно растет в твоих глазах, и, поднимаясь все выше, сама идет навстречу к человеку.

Многие мальчишки мечтают взобраться на вершину Кирамета, но для этого надо идти целый день и целую ночь по опасной, извилистой тропинке по краю отвесных скал, пробираться через дремучие леса и глубокие овраги. Конечно, тот, кто считает себя мужчиной, во что бы то ни стало поднимется на вершину Кирамета.

Конечно, поднимется...

А пока что на южных склонах Кукрэк-тау ходят овцы Шарифуллы и с хрустом пощипывают траву, а на вершине горы сидят пять человек разного возраста. Тот, у кого впалые щеки и рыжие усы, старше всех, это сам Шарифуллагай, вы его уже знаете. А вот об остальных четверых вы, наверное, никогда и не слышали. Да и ничего удивительного в этом нет: пока что они еще ничем не прославились. Трое из них только вчера с разными отметками окончили пятый класс, кое-как подтянули к концу года свою дисциплину, и хотя не всегда у них ученье шло гладко, но обошлось всё-таки без хвостов и переэкзаменовок... Разные люди сидят на вершине горы, и разные у всех имена. Худенького мальчика с острым, как клинок, носом зовут Габдулла. Волосы у него черные, как смола. Кажется, стоит только притронуться к ним пальцами, и не отдерешь их. А вот этот толстенький крепыш, с приплюснутым носом и с круглым, как деревянная чаша, лицом, — Вазир. Пухлые щеки его и в жару и в холод как румяные яблоки. У Вазира есть привычка часто-часто моргать глазами. Однажды новая учительница, приняв это за озорство, даже выгнала его из класса. Хотя Вазир и хлопает глазами, но из рогатки стреляет он метко.

Третий, единственный в Беркутном рыжеволосый мальчик, — Айдар. У него есть и прозвище — Дикий козленок. Прозвали его так потому, что он хороший бегун. Четвертый человек — девочка, и сидит она чуть-чуть в стороне. Ей только седьмой год пошел. К ее тоненькой, как мышиный хвостик, косичке приплетена красная ленточка, и имя у нее красивое — Гульнур, что по-башкирски означает «цветок в лучах солнца». Все было бы хорошо. Только вот нет у этой Гульнур передних зубов, и такому человеку очень трудно удерживать секреты.

Сейчас они все четверо затаив дыхание слушают Шарифулу-агая. Теплые лучи заходящего солнца блестят на кончиках закопченных усов Шарифулы, мелкими бликами падают они на его нижнюю губу, и поэтому каждое слово Шарифулы-агая, произнесенное тихим голосом, словно раскрывает перед мальчиками никому не известную захватывающую тайну.

О чем же рассказывает агай? Давайте послушаем.

— Подниматься на вершину Кирамета — это значит подниматься на высоту орлиного полета, — говорил Шарифулла. — По ночам на этой вершине, словно бабочки вокруг костра, взлетая и прыгая, играют звезды. Они спускаются очень низко — протяни руку и хватай! А некоторые, самые шаловливые, ударившись нечаянно о скалы, разбиваются вдребезги. Вот это и называется у нас звездопад. Чудесна гора Кирамет! Однако у нее есть свое большое горе: в маленьком озере, которое находится на самой вершине, в старину кишмя кишели золотые и серебряные рыбки. Быть может, звезды опускались на вершину горы только затем, чтобы поиграть с ними. Но рыбки эти давным-давно перевелись, ни одной из них не осталось в озере, а вот звезды не могут расстаться со старой привычкой... Погубил этих рыбок злой человек. Он бросил в озеро всего-навсего одну только щуку, которая за семь дней и семь ночей проглотила всех золотых и серебряных рыбок. Кирамет очень опечалился этим; с горя начало высыхать и озеро, а если озеро высохнет до самого дна, то Кирамет станет совсем-совсем слепым. Не сможет видеть туч, которые плавают над нею,

и солнечного света, и тех звезд, которые резвятся по ночам на ее вершине... Прожорливая щука, в конце концов сдохла и сама, однако сдохла она, погубив все живое, что было в озере. И если не найдутся отважные джигиты и не пустят в это озеро таких же золотых и серебряных рыб, то оно действительно высохнет, и Кирамет с горя обвалится. И если в один из дней на месте этой высокой горы с белым-белым сиянием останутся только развалины, то это будет очень-очень грустно... Разве не так, братцы? — спросил Шарифулла.

Но «братцы» ничего не ответили...

ВЫБОРЫ ВОЖАКА

Когда солнце, спускаясь вниз, наткнулось на далекие леса, Шарифулла погнал своих овец на ферму, а мальчики зашагали домой.

Первым заговорил Вазир:

— Да, дела неважны у Кирамет...

— И все из-за одной паршивой щуки! — сердито вставил Айдар.

— Не из-за щуки, а из-за этого злого человека, — поправил Габдулла и, покачав головой, решительно добавил: — Нет, нельзя оставлять Кирамет в таком положении!

— Давайте соберем много-много икры, — придумал Вазир, — и отнесем в озеро. Ведь рыба-то зарождается от икры.

— Не икру, а живую рыбу надо пустить! — резко перебил его Айдар.

— Красная икра продается в магазине, — неожиданно сообщила Гульнур.

Мальчики переглянулись. Всем было ясно, что когда идет такой серьезный разговор, то лишние уши тут ни к чему.

— А ну, отчаливай отсюда! — строго приказал сестренке Айдар.

Но Гульнур и не думала «отчаливать».

— Не уйду... Сам отчаливай!

— Говорю тебе — откатывай!

— Сам откатывай!

— Ладно, — сказал Айдар, быстро меняя строгий приказ на обещание. — Если послушаешь меня, поймаю тебе маленького жаворонка, даже пару!

— Скажи — честное слово!

— Честное слово!

Гульнур согласно тряхнула косичкой и, подпрыгивая, помчалась к аулу. Пестрое платье ее мелькнуло далеко впереди и исчезло.

В наших краях мужчины никогда не разговаривают о серьезных вещах стоя. Ума-разума набираются сидя. Мальчишки уселись на зеленую траву, чтобы тоже набраться ума-разума. Не было необходимости обсуждать вопрос: надо или не надо спасать Кирамет? Гора Кирамет несомненно должна быть спасена. А вот мысли о том, как ее спасти, были у всех разные. Айдар посоветовал обратиться за помощью прямо в рыболовецкую бригаду колхоза, но Вазир возмутился и сразу же начал его поддразнивать.

— Помощь, помощь тебе! Иди — кричи на весь аул, проси помощи. Бедненький. Тьфу! — плюнул он и с презрением отвернулся.

Айдар уже хотел сцепиться с Вазиром, но Габдулла строго остановил обоих:

— Не время сейчас ссориться! Давайте сперва поклянемся друг другу, что никто из нас ни во сне, ни наяву не выдаст того, что мы здесь решим. Это тайна. Пусть нас повесят, пусть разрежут на тысячу кусков, но тайну не выдавать! Кто не сумеет придержать свой язык, тот будет назван продажной душонкой! Клянитесь!

Габдулла первый приложил обе руки ко лбу и торжественно произнес:

— Клянусь!

— Клянусь! Клянусь! — повторили за ним Айдар и Вазир.

— Теперь вот что, — сказал Габдулла, — нам нужно наловить и отобрать полное ведро только икраных рыб, а может, и два ведра!

— Да что ты! — вскочил с места Вазир. — Зачем ее ловить? Я знаю, где хранится рыба наших рыбаков на Кылысе! Как только стемнеет, я вам достану два и даже три ведра рыбы, только надо сплести корзину, чтоб было куда класть.

— Не пойдет. Чистое дело не делается грязными руками, — важно сказал Габдулла.

Слова эти он услышал однажды от Шарифуллы. Но Вазира они не поразили.

— Как круто разговаривает! — презрительно усмехнулся он, щуря глаза и указывая на Габдуллу. — Можно подумать, что мы выбрали его своим вожаком...

— Ребята! — всполошился Айдар. — А ведь нам и в самом деле нужен вожак! Как быть?

Айдару никто не ответил. Вопрос был серьезный, его надо было хорошенько обдумать, да и не к лицу мужчине, когда держат совет, сразу же присоединяться к чужому мнению. Молчали долго, а все же нельзя было не принять во внимание предложение Айдара.

— Вожака надо избрать, — сказал Габдулла, довольно хорошо знающий всякие выборные порядки.

Но Вазир, у которого было так мало скромности, что он никогда не мог ее проявить, поспешно заморгал своими узкими черными глазками и начал жалобно упрашивать:

— Ребята, а ребята... Я еще ни разу за всю свою жизнь не был вожаком... Айдар был старостой класса, Габдуллу избрали редактором стенгазеты, он ездил на районный слет... Только один я... — Голос Вазира задрожал, и из глаз уже готовы были скатиться слезы.

Холодный, как горный ветер, голос Габдуллы резко осадил его:

— В вожаки не просятся!

На секунду Вазир замолчал, но, не в силах отказаться от желания стать вожаком, придумал другой способ.

— Жребий! Давайте тогда метать жребий! Или померяемся на палке: чья рука окажется сверху, тот и станет вожаком! — быстро предложил он.

— Жребий и палка годны только в игре, — сказал Айдар. — А это тебе не игра. По-моему, надо состязаться по бегу: кто придет первым, тот станет вожаком.

Но Вазир не мастер был бегать, зато он хорошо стрелял из рогатки. И, чувствуя хоть в этом свое превосходство, деланно расхохотался.

— Ха-ха! Еще что придумаешь? Значит, бегуна сделать вожаком. Вожак — это глава, от слова «голова», а причем тут ноги? Если не знаешь, так молчи! Лучше всего состязаться по меткой стрельбе! Кто метко стреляет — тот и командир. Вот пусть Габдулла скажет!

У Габдуллы было свое предложение, которое ему тоже не терпелось выложить, но он не спеша спросил:

— Сказать, что самое правильное?

— Скажи!

— Самое правильное — это испытать силы в борьбе. Кто победит — тот и вожак!

Спорить с Габдуллой было ни к чему, но все же мальчишки спорили долго. Вазире даже чуть-чуть не попало за его слова о том, что «давно миновали времена, когда становились вожаками те, у кого была грубая физическая сила».

В конце концов победила справедливость. Были приняты все предложения. Вначале решили состязаться по бегу. Бежать нужно было до видневшейся вдали одинокой сосны на окраине аула. Айдар отметил палочкой линию, и все трое, закатав штаны, стали на свои места.

Вазир скомандовал:

— Раз, два, три!

Айдар, как стрела, выпущенная из лука, сразу же выскочил вперед. Ну и бежал же он! Ноги его будто и земли не касались, только пятки одна за другой сверкали! Довольно долго не отставал от него и Габдулла. Вазир же отстал сразу, как ленивый жеребенок, которому не очень-то охота бежать следом за матерью.

«Вот рыжий черт! — обругал он про себя Айдара. — Хоть бей его камнем по ногам! Бежит и не спотыкается!»

И верно, Айдар даже не думал спотыкаться; оставив позади себя Габдуллу на расстоянии длинных вожжей, он первым добежал до намеченной цели и обнял оди-

нокую сосну. Габдулла пришел вторым, а бедняга Вазир, пробежав половину пути, вдруг упал на землю и, подняв правую ногу, начал рассматривать свою ступню. Видно, искал занозу, а может, вытаскивал ее и, посидев немного, прихрамывая догнал своих товарищей.

— Зачем так бежишь, пожалел бы чуточку свои ноги, — засмеялся, глядя на него, Айдар.

— В ногу попала заноза, — сказал Вазир. — Считайте, что я не участвовал в состязании!

Ступню Вазира внимательно, со знанием дела, рассмотрели. Однако ничего такого особенного не нашли, кроме следов давнишних ссадин. Вазир не вступал в спор, он вынужден был согласиться со своим поражением. Не откладывая на другое время, ребята начали новый вид состязания. Все трое вытащили из карманов штанов свои боевые доспехи — рогатки, с которыми никогда не расставались. Условия состязания в стрельбе были приняты единогласно. На самую нижнюю, обломанную ветку сосны повесили вышитую тюбетейку Айдара. Потом, отойдя на тридцать шагов, воткнули в землю палку. Из постоянных запасов в карманах достали по три круглых и гладких камешка. По условию победителем являлся тот, кто без промаха три раза попадет в тюбетейку. Очередь установили по алфавиту. Первым стрелял Айдар. Камешек его с визгом пролетел над тюбетейкой. Второй камешек гулко стукнул о ствол сосны... Третий раз Айдар очень долго прицеливался. Уж в этот-то раз он решил просто разнести на куски свою тюбетейку, однако камень полетел другой дорогой, как говорят солдаты, «за молоком», а тюбетейка осталась спокойно висеть на своем месте.

Вторым вышел Вазир. Сначала он некоторое время щурил глаза и пристально глядел на цель, потом не спеша зарядил рогатку и натянул резинку. Как раз в это самое время на его приплюснутый нос сел комар, но Вазир даже не обратил на него внимания, зато Айдар, глядя на долгоносика, с горечью обругал его про себя:

«Дурак ты, комар! Чем садиться на нос, так уж лучше тебе было нацелиться прямо в глаз!»

Но Айдар еще не успел как следует отругать комара, как его тубетейка уже слетела на землю.

— Первый блин намазали! — важно сказал Вазир.

Габдулла подбежал к сосне и повесил тубетейку на прежнее место. Второй выстрел со свистом сорвал ее с ветки и снова бросил на землю, а Айдар почувствовал такой треск в голове, будто камень попал не в тубетейку, а в его лоб.

— Второй блин намазали! — гордо повторил свое Вазир.

Третий выстрел получился спорным. Упасть-то тубетейка упала, но оттого, что покачнулась ветка.

И когда Вазир с еще большим торжеством повторил: «Третий блин намазали!» — то Айдар, радуясь про себя, презрительно сказал:

— Ты уж очень-то не спеши мазать — не хватит масла.

— Завидуешь? В душе мыши скребутся! — усмехнулся Вазир, хотя и сам знал, что третий выстрел был неудачный. Уж очень хотелось ему подразнить хвастливого бегуна. — Вот как надо стрелять, братец Айдар! — важно добавил он. — Это тебе не беготня — тыр да тыр по земле пятками!

— Как только язык не устает от такого хвастовства! — укоризненно сказал Габдулла. — Будь хоть справедливым, Вазир, ведь третий выстрел твой все равно не в счет!

Но Вазир только пожал плечами... Он хорошо знал, что Габдулла не победит его в стрельбе, так же как и Айдар. И в самом деле, из трех раз Габдулла попал только один раз и таким образом вышел на второе место.

Уже садилось солнце, и тень одинокой сосны легла на картофельное поле, когда мальчики выбрали площадку для борьбы и приступили к последнему состязанию. Бросили жребий, и Вазир с Айдаром, поплевав на ладони, стали один против другого.

— Поборемся или помиримся? — спросил Айдар, подражая настоящим борцам.

— И поборемся, и помиримся! — ответил Вазир, еще раз поплевав на ладони.

По обычаю борцов на весеннем празднике — сабантуе, они стукнулись плечами, потом, подержавшись за подолы рубашек, неожиданно согнулись и, обхватив друг друга поперек туловища, закружились, завертелись.

Каждый старался опрокинуть противника на землю, уложить на обе лопатки. Тяжело дыша, они долго возились, но ни один не уступал другому. Несколько раз Айдар, упершись головой в живот Вазира, пытался перебросить его через голову, но Вазир обрушивался на него всей своей тяжестью, и Айдару казалось, что легкие его сорвались с места и сердце клубком подкатывает к горлу. Боролись долго и честно, никто из борцов не пытался подставить сопернику ногу или пойти еще на какое-нибудь мошенничество. Неожиданно Вазир, собравшись с силами, крепко прижал Айдара к груди и одним рывком поднял его. Босые пятки Айдара, покрытые ссадинами, оторвались от земли и беспомощно заболтались в воздухе, но и сам Вазир, не удержавшись на ногах, опрокинулся навзничь вместе со своим соперником. И в этот самый момент в напряженной тишине раздался треск, и в руках Айдара, лежащего на земле, оказались длинные полоски от голубой рубашки Вазира.

Сначала никто не понял, что случилось, но когда Вазир поднялся, то все увидели, что на его потном, разгоряченном теле остались только рукава да висевший как хомут воротник.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Габдулла. — Какой богатырский вид у тебя!

Айдар, упавший боком на камень, позабыл о боли и присоединился к Габдулле:

— Ха-ха! Витязь в тигровой шкуре!

Ни о чем не подозревавший Вазир потянулся к подолу своей рубашки, чтобы им вытереть пот с лица, но его руки коснулись голого живота. И только тогда он догадался, что голубые куски материи в руках Айдара вырваны из его рубашки.

Вазир потрогал остатки висевшего на шее воротника и гордо поднял голову:

— Была бы голова цела, а добро найдется!

Вазир был не из тех мальчиков, которые могут громко заплакать или полезть в драку из-за порванной рубашки. Он не считал нужным обращать внимание на такие пустяки... Кроме того, дома у Вазира была еще одна рубашка, правда, она до того вылиняла от солнца, что и самому хозяину было бы трудно определить теперь ее цвет, но это тоже не так уж важно.

На долину спускались прохладные жиденские сумерки, место схватки давно уже стало совершенно вытоптаным и гладким, а «богатыри» все еще кружились да кружились вокруг да около, не начиная решительных действий. На мясистой спине Вазира капельками выступал пот, а на рубашке Габдуллы не было заметно никакой влаги. О таких, как Габдулла, говорят: «Пока у доброго коня выступит пот, из худой лошади душа вон». Он был как добрый конь. И все же настал момент, когда кружиться без толку на поводу у Вазира Габдулле надоело. Он вдруг быстро нагнулся, опрокинул на себя Вазира и, подняв его на плечи, перекинул через голову. Вазир, не ожидавший этого ловкого приема, кулем свалился на землю. Борьба закончилась так неожиданно, что мальчики даже не сразу вспомнили, зачем они так упорно состязались. Первым вспомнил об этом Айдар.

— Выборы кончились, — заявил он. — Пора нашему вожаку взять нас под свое командование.

Четыре глаза одновременно впелись в Габдуллу. Самое большое преимущество, конечно, было на стороне Габдуллы: он был смелее и сильнее других.

Вазир, не знающий, что такое обида или месть, первый сказал:

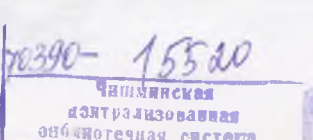
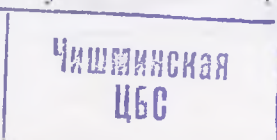
— Хочешь, веди нас в огонь, хочешь — в воду! Мы твои верные спутники!

— Ребята! — ответил тронутый Габдулла. — Ведь и в сказке их было трое: один — бегун, второй — меткий стрелок, третий — борец!

— Но вожак бывает один.

— Ты наш вожак! Тебе — ура! — крикнул Айдар.

— Ура! — подхватил Вазир так громко, что даже горы откликнулись гулким эхом: «Ура-а-а!»

CHAPTER
III

308
310

Габдулла отряхнул со своей одежды пыль, поправил ремень и строгим голосом, как подобает вожаку, объявил свой первый приказ:

— Отряду, организованному для спасения Кирамет, присвоить имя «Таганок». Согласны?

— Согласны. Таганок опирается на три ноги, да еще есть такая пляска, — добавил Вазир.

Айдар в знак согласия кивнул головой.

Приняв такое историческое решение, мальчики, обнявшись, зашагали домой.

В эти минуты сам «Таганок» казался уже крепким, а его подпорки чувствовали себя навеки связанными нерушимой клятвой о дружбе и верности.

ПЕРВЫЙ ПРОМАХ ВАЗИРА

У меткого стрелка Вазира настроение было приподнятое. Он шел, обнимая правой рукой вожака и думая о том, что до двенадцати лет прожил он на свете рядовым человеком и дальше проживет. Не всем же быть вожаками, зато теперь он стал верной опорой «Таганка». Без него «Таганок» развалится, это как пить дать! Вот каким нужным человеком он стал! Вазиру хотелось кого-то обрадовать, сделать какое-нибудь хорошее, доброе дело. Он нащупал в левом кармане штанов одну, очень дорогую ему вещь, которой и сам еще не успел вдоволь налюбоваться.

— Ребята! — неожиданно сказал он. — Вожаку неудобно ходить без оружия! — И, вынув из кармана старый ножик с костяной ручкой, великодушно протянул его вожаку. — На, Габдулла, бери!

Вожак и бегун замерли от удивления, глаза их раскрылись широко и впилась в нож. Они видели редкую, драгоценную вещь!

— Откуда ты взял это? — с испугом спросил Габдулла.

— Не спрашивай! Дают — бери! — засмеялся Вазир.

Но вожак не спешил взять подарок. Да, ножик понравился ему, очень понравился! И он уже было протянул за ним руку, но удерживала смутная мысль: «Не по ошибке ли попала к Вазиру такая замечательная штука?» Он вспомнил, что в руки этого меткого стрелка нет-нет да попадали «нечаянно» кой-какие вещички.

— Откуда взял, говори правду. Иначе и кончиком пальца не прикоснусь к твоему ножу! — строго сказал он.

— Какую еще тебе правду?.. Раз дают, бери, и всё!

— Нет, так я не возьму! Тебя спрашивают: откуда взял?

Вазир осекся.

— Откуда — спрашиваешь... Если правду сказать...

— Что, если сказать правду?

— А то, что если сказать настоящую правду, то я его стянул из сумки Шарифуллы, — решился наконец Вазир и, почувствовав, что сказал не то, тревожно спросил: — Что, разве не нравится?

В глазах рассерженного Габдуллы сверкнули недобрые огоньки.

— Украл? — удивленно и гневно воскликнул он и, оттолкнув своих приятелей в разные стороны, шагнул к Вазиру. — Украл, что ли, собачья шкура?!

— Не украл, а вытащил. Так ведь из сумки ручка торчала... — попробовал оправдаться Вазир, слегка отступая назад.

Но Габдулла, размахнувшись, ударил его по щеке.

— Вор!

Он размахнулся еще раз, но Айдар удержал его.

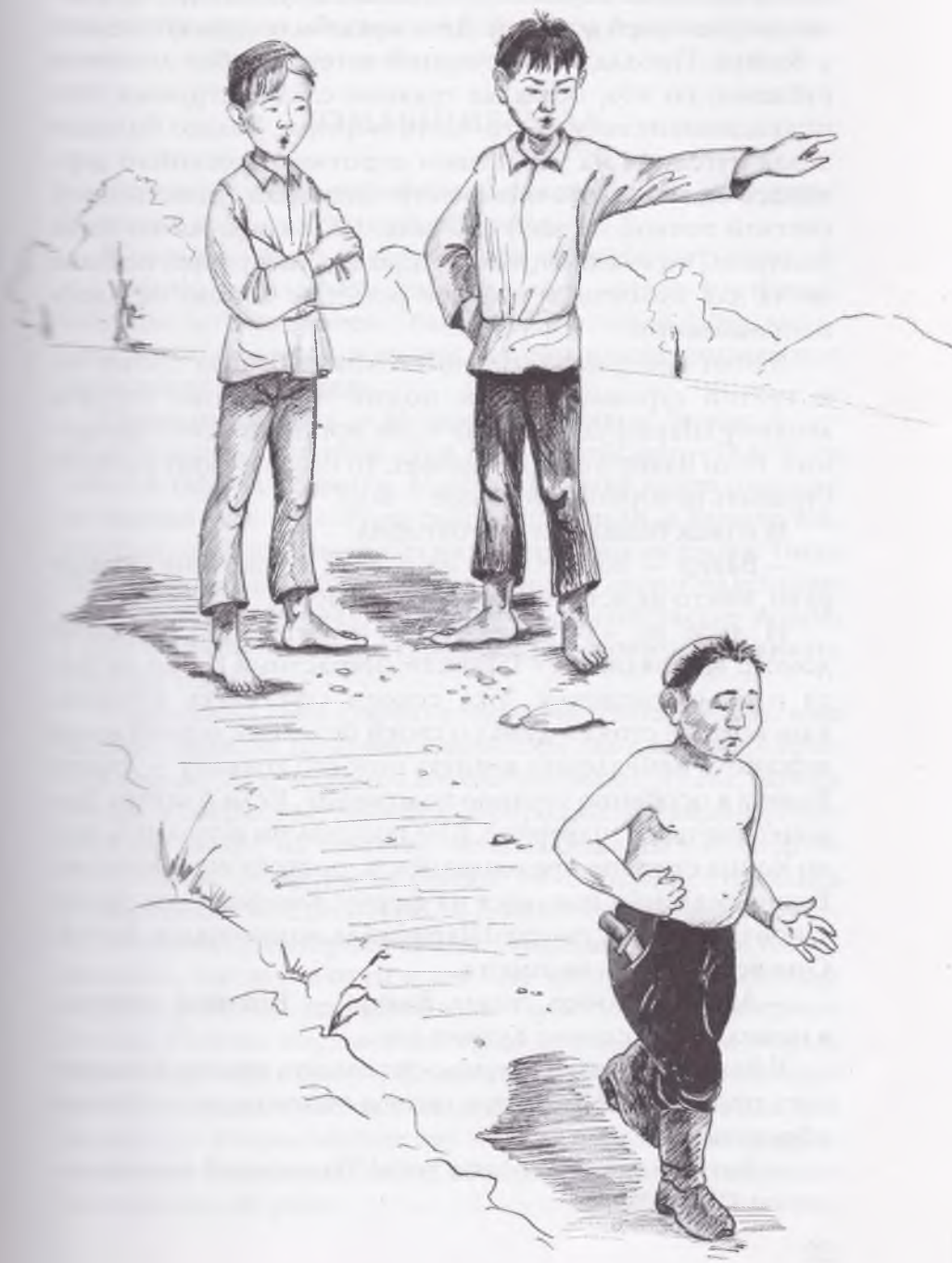
— Не пачкай рук! — с презрением сказал он.

Вожак тяжело перевел дух и, указывая на Вазира, объявил свой второй приказ:

— За то, что Вазир украл у пастуха Шарифуллы ножик с костяной рукояткой, исключить его из нашего «Таганка», не считать его нашим товарищем, не подавать ему руки, не вступать с ним в разговоры! Позор!

— Позор вору! — повторил Айдар.

Вазир точно свалился с неба на землю. От его радостного настроения не осталось и следа. Низко опустив

голову, он смотрел на жука-навозника, который медленно вылез из своей норки и, оглядевшись туда-сюда, не спеша пополз своей дорогой. Дела жука были куда лучше, чем у Вазира. Прохладный вечерний ветер теребил лохмотья рубашки, со лба, оставляя грязные следы, струился пот, покрасневшие веки часто-часто моргали. Только большая белая пуговица на уцелевшем воротнике спокойно держалась на своем обычном месте. Она была единственной светлой точкой на всем его теле. На Вазира жалко было смотреть, но в закаленных сердцах его товарищей не было места для жалости, и твердое решение вожака осталось непреклонным.

В этот вечер над опальной головой Вазира прозвучал и третий суровый приказ: ножик немедленно вернуть хозяину Шарифулле и, упав к его ногам, просить прощения. Если Вазир этого не сделает, то по всему аулу распространить позорное прозвище — вор!

И вожак безжалостно повторил:

— Вазир — вор! Никто из нас не подаст ему больше руки, никто не вступит с ним в разговоры.

И двое из «Таганка», резко повернувшись, пошли домой. Третья опора «Таганка», несчастный Вазир, остался один-одинешенек. Уже совсем сгустились сумерки, а он все еще стоял и думал о своей беде. Последний наказ вожака — немедленно вернуть нож его хозяину — ставил Вазира в особенно трудное положение. Если б завтра был конец света, он, наверное, и не подумал бы исполнять его, но конца света не предвиделось, и, постояв еще немного, Вазир медленно поплелся на ферму. Как раз в это время, закончив работу, пастух Шарифулла возвращался домой. Они встретились на дороге.

— Агай, — робко сказал Вазир. — Вот ваш ножик... я нашел его на склоне Кукрэк-тау...

У Вазира не хватило смелости сказать правду и попросить прощения. Но пастух ничего этого не знал и очень обрадовался.

— Вот молодец! Спасибо тебе! Ты честный человек, — сказал Шарифулла.

В старину говорили: «Одно спасибо спасает от тысячи бед». Но ни похвала Шарифуллы, ни его «спасибо» не спасли Вазира от его главной беды — потери товарищей.

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

Теперь заглянем домой к мальчикам. С кого же начать? Начнем с жоака. А то еще обидится.

В семье у Габдуллы трое. Мать его работает дояркой, и с самого начала лета она уехала на летнее пастбище. Габдулла остался вдвоем с бабушкой Нагимой. Отец мальчика погиб на войне, и до сих пор еще в селе вспоминают гармониста Мухаммеда.

Страшная бумага о Мухаммеде пришла за две недели до окончания войны. Там было написано: «Геройски погиб в бою за Родину». Мама и бабушка долго плакали, не осушая глаз, потом они совсем притихли, и бывало так, что за долгий день никто из них не говорил ни слова. Тогда Габдулле не было еще и семи лет, но он своим маленьким сердечком чувствовал, какое большое несчастье вошло к ним в дом, и не мешал взрослым по-своему переживать тяжелое горе.

Накинув на себя старую отцовскую стеганку, долгими часами сидел он на камне у ворот. Весна в том году пришла теплая. Еще до конца апреля зазеленела трава, запели птицы, в озерах заиграли белые сорожки. Женщины, проходя по улице, на минутку останавливались около дома Габдуллы и, глядя на мальчика, тихо перешептывались между собой: «Бедненький...» А некоторые концом рукава потихоньку вытирали слезы. Габдулла тогда еще плохо понимал, что такое отец и для чего он нужен. И все-таки в душу ребенка закрадывалась глубокая, неосознанная печаль. Потом, спустя некоторое время, пришла медаль Мухаммеда «За отвагу». Ее прислали фронтовые товарищи. И теперь вот уже шестой год бабушка Нагима каждый четверг до блеска чистит эту медаль и снова прикрепляет ее под карточкой сына, которая висит над комодом в почерневшей раме.

Сегодня был как раз четверг, и, когда Габдулла вошел в дом, бабушка Нагима сидела и чистила отцовскую медаль.

— Ребенок без отца, что конь без узды. Совсем уж перестал слушаться меня! Где черти носили тебя до темноты? — сердито договорила бабушка. — Хоть бы чуточку брал ты пример с Якупа, уж тот, как ни глянешь, все вертится возле дома. Вовремя поест, вовремя попьет! И одежда на нем чистая, просто загляденье! А ты только и делаешь, что ходишь по пятам за Вазиром! И на что ты только похож! О аллах!

— Вазир, бабушка, сам за мной ходит и дальше бы ходил, конечно, если бы ему позволили, — пробормотал Габдулла.

Разумеется, бабушка Нагима и не подозревала, что обыкновенный мальчик, ее внук Габдулла, стал вожаком «Таганка». Если бы знала, то, наверное, разговаривала бы иначе...

— Вот брал бы пример с Якупа, — продолжала ворчать она.

— Да бросьте вы этого Якупа, бабушка! — сказал Габдулла.

Якуп был на всей улице самым смиренным, самым послушным мальчиком. И, хотя способности у него были не ахти какие, он и по учебе был не среди последних, всегда брал своей старательностью. В школе учителя, дома мамы и бабушки, ругая своих мальчиков, во всех случаях ставили им в пример Якупа. И после драки или веселой игры, когда штаны и рубахи их превращались в пыльные и грязные лохмотья, и когда они возвращались домой с синяками и шишками, всегда слышали мальчики одно и то же: «Вот брал бы пример с Якупа!»

Из-за всего этого к бедному Якупу как-то само собой приклеилось прозвище «Примерный Якуп».

Якупа часто обижали, иногда даже колотили. Однако сам Якуп никогда ни на кого не поднимал руки, ни с кем не вступал в пререкания и не жаловался.

Упреки бабушки на этот раз закончились довольно быстро. Габдуллу дожидалась миска с кашей, от которой

шел едва заметный пар, и бабушка Нагима боялась, что, пока она будет ругать внука, каша окончательно остынет.

— Помой хорошенько руки и садись! — приказала бабушка и, тяжело вздохнув, повесила под портретом сына начищенную медаль.

Над столом ярко горела лампочка, и при электрическом свете серебряная медаль искрилась и сверкала. Сегодня Габдулла не сводил с медали глаз до тех пор, пока не выскреб всю кашу до последней крупинки.

Как бы там ни было, жожака дома встретили не только упреками, но и жирной кашей.

Мать Вазира, Курбанбика, встретила сына таким криком, что ее голос был слышен всей улице. Что поделаешь, такой уж скверный характер у Курбанбики! Если случится, что корова не вернется из стада, она начинает причитать на всю улицу:

— Хоть бы волки задрали эту проклятую корову! За это я бы на радостях сама отнесла милостыню Эжмагомилле.

Если куры забредут на огород, то все соседи Курбанбики услышат знакомый крик:

— Хоть бы холера их задушила! Меньше было бы хлопот, и я бы покой обрела! Киш-киш!

А что бы делала Курбанбика без кур, без коровы?

Перед тем как войти в дом, Вазир из предосторожности снял с себя остатки голубой рубашки, свернул и спрятал их под мышку. Как только он открыл калитку, так сразу услышал грозный голос матери:

— Вазир! Бессовестный мальчишка! Только попробуй войти в дом! Я выпорю тебя, паршивец! Чтоб ты сломал себе шею! Если что-нибудь делать, так сил не хватает, а если играть да гонять с мальчишками, то тут ты первый! Хоть бы чуточку брал пример с Якупа...

Вазир за свою двенадцатилетнюю жизнь слышал уже много таких угроз, поэтому, заранее смирившись, он молча зашагал навстречу своей судьбе. Однако следует оговориться, хотя его мать Курбанбика и была злой на язык, но никогда не давала волю рукам. Спрятав бывшую голубую рубашку в сених за сундуком, Вазир вошел в дом. Отца не

было, ушел на работу: Самигулла, вернувшийся с войны без ноги, сторожил колхозные амбары. Когда Вазир вошел в дом, брат его Насип, который был младше Вазира на три года, крепко спал, прислонившись к стене. Щеки его раздулись, по-видимому, он заснул, не успев проглотить, что было у него во рту.

— Куда дел рубашку, бестолковый? — снова накинулась на сына Курбанбика.

— Я, мама, в это лето решил ходить без рубашки. Надо закалять тело, — спокойно ответил Вазир.

— Не закалять, а пороть тебя надо! Где рубашка?

— Я оставил ее в сених, она немного распоролась по швам!

— Ладно, ходи, как тот дурачок Абдраш. Скинь и штаны...

— Мне ведь, мама, надо закалять только грудь...

Гнев Курбанбика был похож на сухую солому: он быстро вспыхивает и быстро сгорает. Так было и на этот раз.

— Иди, овечка, садись и поешь, — сказала она, неожиданно подобрев.

Таким образом, Вазир, как и вожак Габдулла, после некоторых нравоучений был удостоен внимания и получил сытную пищу.

А вот Айдар дома никто и не вспомнил. Среди девяти детей никто не заметил отсутствия одного. Войдя в летнюю кухню, Айдар хлебнул прямо из горшка квашеного молока, не спеша отправился на свое место на сеновал, лег и тут же заснул.

Вазир не спалось. Он вышел на крыльцо и, сидя на ступеньке, смотрел на звезды. Ему казалось, что самая тусклая звезда над Кираметом — это его звезда. «Отчего же, интересно, только мне одному не везет на свете? Отчего?» — печально думал Вазир.

И еще один человек долго-долго не мог заснуть в эту ночь. Тяжелую ответственность взял на свои плечи вожак Габдулла, и разные мысли одолели его. Надо было немедленно восстановить «Таганок», одна опора которого оказалась гнилой. «Таганку» нужна была третья под-

порка. Но где взять этого верного третьего товарища? Кому доверить такое важное, серьезное дело? На кого опереться?

ТРЕТЬЯ ПОДПОРКА

Когда Габдулла проснулся, бабушки уже дома не было. Взгляд мальчика остановился на противоположной стене, где висела блестящая и круглая медаль. Габдулла вскочил и уже протянул руку, чтобы снять ее со стены, но, вспомнив, что бабушка Нагима никому не разрешала брать медаль в руки, удержался. Да и зачем ее трогать? Разве не видно сразу, что она красивей и больше любой самой крупной монеты из тех, которые старые башкирки носят на шею как ожерелье! Или, может, Габдулла забыл надпись, которая сделана на ее блестящем серебре? Нет, Габдулла знал наизусть. И все же он громко прочел ее еще раз, с особым ударением на каждом слове: «За отвагу». «За отвагу», — с волнением повторил он про себя, впервые чувствуя глубокий смысл этих слов. До этого дня Габдулла никогда серьезно не вдумывался в смысл сделанной на серебре надписи: «За отвагу». Значит, его отец был отважным человеком! Но почему же тогда никто не называет его Мухаммед-батыр? Наверное, никто не знает...

Если в сказке умирает батыр, то свой меч, щит, колчан со стрелами он завещает своему сыну... Быть может, и отец Габдуллы сказал: «Мою медаль отдайте моему сыну, пусть он носит ее как память обо мне». По всей вероятности, именно так он и сказал. Иначе бы и не пересылали эту медаль товарищи отца.

Габдулла бережно снял со стены отцовскую медаль и, приподнявшись на цыпочки перед потемневшим от времени зеркалом, прикрепил ее к правой стороне своей груди. Оказалось, что жожаку очень идет медаль. Отныне он будет носить ее не снимая. Поладить с бабушкой всегда можно. Пожурит, пожурит и перестанет.

Когда Габдулла с сияющей медалью на груди вышел на улицу, то увидел верного друга Айдара. Айдар пришел уже

давно, но, не решаясь зайти, сидел у ворот и терпеливо ждал. Увидев на груди Габдуллы медаль, он очень удивился и подумал: «Зачем это? Можно ли, как игрушку, носить отцовские медали?» Но, не желая обидеть вожака, только улыбнулся:

— Медаль «За отвагу» носят не на правой, а на левой стороне груди, над самым сердцем.

Габдулла, удивленный тем, что друг его не выразил никакого восторга, молча перевесил медаль на левую сторону груди. При этом он даже немного рассердился на равнодушного товарища.

«Обо всем знает этот Айдар», — с горечью подумал про себя Габдулла.

Мальчики заговорили о своих делах.

— Если сказать правду, то Шарифулла-агай немножко соврал, что Кирамет развалится, — неожиданно заявил Айдар. — Если нет землетрясения, то горы никогда не валятся попусту!

— Зато ты трясешься, чтоб развалить наш «Таганок»! — сердито сказал Габдулла, у которого и так было испорчено настроение. — Чего ты боишься, трус?

— Это я боюсь?

— Ты!

— Я ничего не боюсь. И ты не кипятись зря, — спокойно прервал его Айдар. — Я просто расспросил отца, и он сказал, что на вершине Кирамет на самом деле есть озеро и что в этом озере нет рыбы. Он тоже говорит, что озеро без рыбы — это все равно, что слепой глаз. Понял?

— Чего?

— «Чего, чего»! Если мы там разведем рыбу, так все будет хорошо. Озеро оживет!

— Ты так и сказал отцу?

— Как бы не так! Скажу, пожалуй!

Габдулле неприятно стало, что он напрасно обидел друга.

— Знаешь что, Айдар, — мягко сказал он, — пусть даже Кирамет не развалится. Ведь хорошо и то, что мы для людей разведем целое озеро рыбы! Рыба всем пригодится! Но чем мы будем ловить? Прежде всего нам надо спле-

сти садок. Мы соберем туда всю рыбу, которую выловим. На том конце Кылыс есть подходящее место в камышах. Рыба там здорово клюет!

— Сплести садок я мигом смогу, — сказал Айдар.

Мальчики решили сегодня же отправиться на тот конец Кылыса и в тальнике сплести садок. Однако их очень огорчало то, что «Таганок» лишился третьей подпорки. Вот ведь какой паршивец этот Вазир! Взят да испортил все дело! Во что бы то ни стало надо найти третью подпорку! Обсуждая эти важные дела и поругивая Вазира, мальчики вдруг заметили Примерного Якупа, который, размахивая длинной хворостиной, гнал к озеру гусей. Мальчики переглянулись.

— Эй, Якуп, иди-ка сюда! — крикнул Айдар.

Якуп остановился.

— Так я же гоню гусей, — сказал он с мягкой, неуверенной улыбкой.

— Гуси сами знают дорогу. Говорят тебе — иди! Раз зовут, надо идти!

Якуп не мог не послушаться. Волоча свою хворостину, он подбежал к товарищам.

— Садись! — сказал ему вожак.

Якуп покорно сел.

— Хочешь стать богатырем?

— Хочу, конечно... Только как же им стать? — Глаза у Якупа заблестели, он не мог отвести взгляда от медали на груди Габдуллы. Потом тяжело вздохнул, как бы говоря: «Эх, есть же на свете счастливые люди!»

Вожак еще раз испытующе оглядел Якупа с головы до ног. Почувствовав на себе острый, испытующий взгляд, Якуп съежился и стал будто маленьким и беспомощным.

«Что они хотят со мной сделать?» — тревожно думал он.

Однако его опасения быстро рассеялись.

Габдулла вдруг заговорил с ним серьезным и спокойным голосом:

— Ты, Якуп, когда-нибудь поднимался на вершину Кукрэк-тау?

— Конечно, поднимался!

— Видел ты Кирамет, вершина которого белеет издали?

— Конечно, видел!

— Вот на вершине той горы есть круглое озеро. А в озере нет рыбы.

— Почему? Озеро без рыбы не бывает!

— Бывает, оказывается. Наша группа, под названием «Таганок», решила развести там рыбу. Присоединишься к нам третьим? Вожак отряда — я!

Якуп растерянно захлопал глазами и даже засмеялся от удовольствия.

Вожак повторил свой вопрос:

— Присоединишься?

— Спрошу у мамы...

— Мямля ты, Якуп! Это тайна. Так и знай: если даже будут тебя вешать, будут резать — об этом никому ни слова! Даже маме. Понял?

Габдулла толково и подробно разъяснил задачу:

— Сначала выловим много-много икряной рыбы, соберем ее в садок. Потом в ведрах понесем на Кирамет. Нужно будет менять воду — по дороге на каждом шагу родники. Коль боишься, скажи сразу!

— Не поругают ли за это?

— Кто?

— Да мама...

— Обязательно будет ругать. Поругает и перестанет. Людей, которые начинали новые важные дела, и в старину недопонимали.

Конечно, и Якуп тоже недопонял всю важность предстоящего дела. Его увлекло другое. Мальчику, отвергнутому товарищами, страстно захотелось стать равным со своими сверстниками. Поэтому, не раздумывая, он дал торжественную клятву быть верным общему делу, не спросившись никого, сам, по собственному желанию вошел в «Таганок».

При этом вожак поставил перед ним еще одно, дополнительное условие:

— В течение трех дней чтобы все было кончено с примерностью! Научись метко стрелять из рогатки, взбираться

ся на деревья, прыгать и хорошо грести! Все это пригодится. И еще, не подавай руки Вазирю, — строго добавил Габдулла.

— А почему?

— Об этом тебе пока не обязательно знать... Ну, согласен со всеми условиями? Если согласен — поклянись!

— Согласен! Клянусь! — сказал новая подпорка «Таганка».

После короткого молчания вожак «Таганка» счел нужным сделать еще одно заявление:

— Не думай, что мы дожили до того, что вынуждены приглашать тебя. Мы просто желаем сделать из тебя человека. Знай это.

— Ладно, — склонил голову Якуп.

С этого часа началась хлопотливая подготовка к большому путешествию. По общему решению, Габдулла с Айдаром должны были отправиться плести садок на другой конец озера Кылыс. А Якуп, чтоб покончить со своей примерностью, оставался пока в ауле.

Из отведенных ему трех дней первый день давно уже начался.

СЛАВА — ЭТО НЕ ОТЦОВСКАЯ ШАПКА

Айдар остался на улице, а Габдулла забежал к себе домой. Схватив горбушку хлеба и бабушкин нож, которым она пользовалась только для резки лапши, он уже вышел на крыльцо, как вдруг появилась бабушка Нагима. Габдулла мгновенно спрятал нож за спину. Кажется, бабушка и не заметила этого, зато она сразу заметила медаль на груди внука. Сердце ее больно сжалось, морщинки на лице будто стали глубже, и глаза стали очень грустными. Но бабушка не закричала и не упрекнула мальчика. Нежно погладив его по плечу, она тихо сказала:

— Пойдем-ка, внучек, со мной в дом.

— Мы, бабушка, с Айдаром собрались на озеро.

— Ну что же, пойдете. Айдар немного подождет.

Когда вошли в дом, бабушка Нагима еще раз погладила внука по плечу.

— Медаль-то как идет тебе.

— Правда, бабушка? — обрадовался Габдулла.

— Твоя бабушка не станет говорить пустое. А вот ты, который проучился пять зим, объясни бабушке: медаль за что дается?

— За отвагу, геройство! Здесь так и написано, бабушка, по-русски! — живо пояснил Габдулла.

Бабушка ласково кивнула головой.

— Ладно, спасибо, что ты сумел это прочитать и объяснить. А кому их дают, эти медали-то?

— Как — кому? Героям, батырам, смелым людям!

Бабушка Нагима легким движением подбородка указала на грудь мальчика. (В наших краях на то, что почитается священным, не указывают пальцем.)

— А эту медаль кому дали?

— Ты же знаешь, бабушка, — отцу! — удивился ее вопросу внук.

— А раз так, то кто же должен носить ее?

— Отец, конечно... но ведь отец не вернулся... А я-то буду носить ее, бабушка, как память об отце.

Бабушка Нагима долго молчала. Габдулла, не решаясь уйти, робко присел на нары. Бабушка, тяжело вздыхая, думала о чем-то своем. Быть может, она вспоминала своего сына, вот так же сидевшего когда-то, свесив ноги с нар. Габдулла был похож на отца. Его повадки, его сдержанная улыбка и голос напоминали её сына Мухаммеда, который рос в этом же доме. И часто, глядя на внука, бабушка Нагима то радуется, то предается глубокой грусти. Габдулла понимает это. В таких случаях он старается быть поласковой с бабушкой. Он понимал это и сейчас.

Но вот бабушка Нагима еще раз глубоко вздохнула и не спеша возобновила прерванный разговор:

— Раз так, слушай меня, внук... Когда погибает батыр, сыну остается меч; когда погибает меткий стрелок, сыну остаются его лук и стрелы... Когда было нужно, оружие отцов брали их сыновья. Плугом, оставленным отцом, сыновья пашут поле, его лопатой копают землю, его

молотом куют железо... Шапку, оставленную отцом, могут носить его дети... Вот и на твоей голове шапка отца. Но оставшаяся после отца слава — это не шапка! Ее не могут носить по очереди его дети. Как дым, выходящий из трубы, не греет воздух, так и слава отца не переходит к сыновьям. Вот если бы твои собственные дела были достойны твоего отца, если бы делами этими восхищались люди, тогда было бы по-иному...

— Мы совершим, бабушка, такие дела. Вот увидишь сама и удивишься! — горячо заговорил Габдулла.

— Пусть будет так! — сказала бабушка Нагима и тихо добавила: — Если самому тебе нравится, носи на здоровье... Я говорю о медали. Я не запрещаю...

Но Габдулла молча снял со своей груди медаль и повесил ее на прежнее место под портретом.

На улице пронзительно засвистел Айдар. Видно, даже и у него иссякло терпение.

— Иди уж... — сказала бабушка Габдулле. — Только не потеряй нож.

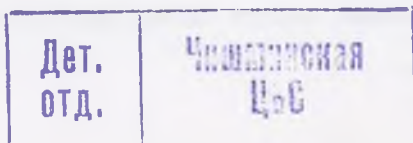
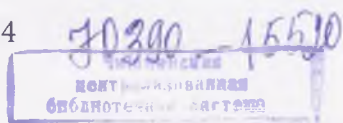
В другое время она ни за что не разрешила бы внуку вынести из дома ее нож, но сегодня она больше ничего не сказала ему, наверное, не хотелось ей за один день выговаривать ему дважды.

— Ладно, бабушка! — крикнул Габдулла, соскакивая с крыльца.

Когда внук ушел, бабушка Нагима взяла в руки медаль и долго-долго глядела на нее. Потом вытерла краешком рукава и повесила на прежнее место.

ПРИМЕРНЫЙ НАЧАЛ ИСПРАВЛЯТЬСЯ

Придя домой, Якуп долго ломал голову над тем, как скорее покончить со своей «примерностью». С чего начать? Он привык с самых малых лет обдумывать каждый свой шаг. Якуп всегда чувствовал себя идущим по узкому, шаткому мостику... Казалось, вот-вот он оступится и упадет.

Оберегая своего единственного сына, мать воспитывала в нем боязливую осторожность в отношении к окружающему миру. Для маленького Якупа первое знакомство с жизнью началось со сплошного «нельзя». Карабкаться на плетень — нельзя, бросать камни — нельзя, трогать собаку соседа Сабира — нельзя. Обо всем этом мать напоминала ему ежеминутно, и с ростом мальчика росли эти «запрещенные зоны». Нельзя пойти с товарищами в лес — заблудишься, нельзя купаться в озере — утонешь, нельзя подняться на гору — упадешь. Летом нельзя снимать тубетейку, потому что может быть солнечный удар, весной нельзя снимать шубу — простудишься. Казалось, не было конца-краю всем этим «нельзя». А ведь когда-то всему приходит конец.

Мать очень заботилась и о том, чтобы ее сын не перенял дурные наклонности и привычки своих озорных сверстников. Она то и дело предупреждала Якупа: с тем не играй, с этим не дружи, того не води в дом, а к тому не ходи сам. Якуп во всем слушался мать и, выполняя ее требования, постепенно отдалялся от товарищей. Сначала ребят это раздражало, они осыпали Якупа насмешками, а нередко награждали и тумаками, потом это им надоело, и они совсем перестали обращать внимание на мальчика. Никого из них теперь не интересовало, живет Якуп на свете или нет. Только матери и бабушки продолжали ставить его в пример своим сыновьям и внукам. Однако упрямые мальчишки смотрели на вещи по-своему и считали ниже своего достоинства брать пример с Якупа.

Поэтому, когда Габдулла и Айдар подозвали Якупа к себе, мальчик сначала растерялся, а потом удивился. Потому что уже давно никто не нуждался в нем и не звал его к себе. А когда Габдулла так спокойно и дружелюбно заговорил с ним, Якуп с радостью подумал, что еще не все сверстники махнули на него рукой и даже предлагают ему участвовать в таком важном деле! Якуп не знал, что иногда несчастье одного человека приносит удачу другому, и если б Вазир так глупо не опозорился, то он, Якуп, может быть, навсегда остался бы тем же Примерным.

Зато теперь этой самой «примерности» наступили последние минуты.

«Но с чего же начать? С чего начать?» — лихорадочно думал Якуп, торопясь скорее выполнить условие, поставленное ему вожаком.

Наверное, следует начать с рогатки. Вероятно, это самое важное. Каждый уважающий себя мальчишка носит в кармане это грозное оружие.

Якуп забежал домой и, захватив с собой нож, пошел в дальний угол двора. Он отыскал подходящую для рогатки суковатую палку — с развилкой. Теперь надо было аккуратно обрубить ее и постругать. С трудом вытащив воткнутый в чурбан топор, Якуп принялся за дело. Но тут его постигла неудача — обрубая концы сучка, он нечаянно совсем отсек одну из развилок. Ему снова пришлось искать палку. На этот раз Якупу повезло, палка нашлась, и обрубить ее удалось довольно ровно. Хорошая получится рогатка. Надо только добела выстругать ее ножом, потом, как Вазир, покрасить в красный цвет. Уж он, Якуп, не пожалеет на это краски! Затем от старой велосипедной камеры отца он отрежет ровную полоску резины и из голенища старого сапога вырежет кругленький кусочек кожи. Конечно, до сих пор ему никогда не приходилось делать такое оружие, но он видел, как это делают другие, и даже держал в руках. А раз делают другие, то почему бы не сделать и ему, Якупу? Сделает, конечно, сделает! А потом наберет полный карман кругленьких камушков и, прищулив один глаз для точного прицела, будет стрелять вон в ту кошку, которая преспокойно спит на крыше амбара.

Якуп так сладко размышлял, что даже не заметил, как, стругая дерево, острый нож нечаянно полоснул его по указательному пальцу. Из пальца хлынула кровь. Испугавшись, Якуп бросил нож и громко позвал мать:

— Эсэй! *

И в ту же минуту понял, что оплошал. Ведь когда кому-нибудь из мальчиков случится поранить себе руку или ногу, то, увидев кровь, никто из них не бежит к своей маме,

* Эсэй — мама.

а берет древесную пыль и посыпает ею рану. Да вот как раз под ногами валяется гнилое полено... Якуп стряхнул с пальца кровь и хотел уже приняться за лечение, как из дому выбежала на крыльцо его мать.

— Что случилось, дитя мое, сердечко мое? — отчаянно завопила она.

Но Якуп уже не был тем Якупом, который разжалобился бы сам и разжалобил бы до слез свою мать. Нет! Он быстро спрятал раненую руку за спину.

— Ничего не случилось! Я не звал тебя, а просто закричал на кошку: «Бесэй! Бесэй»*.

— Ох, и напугал ты меня! — глубоко вздохнув, сказала мать и ушла обратно в дом.

Якуп вытащил из бревна гнилушку и, отломив от нее кусочек, растер в порошок, потом, повернувшись спиной к дому, засыпал этим порошком раненый палец. Порошок окрасился в розовый цвет, но кровь остановилась. Начатое дело надо было довести до конца, и Якуп снова храбро взялся за нож, из-за которого вышла такая неприятность, но на этот раз дело не двигалось, раненый палец ныл и мешал работать, а потом и совсем разболелся.

Якуп решил переменить план борьбы с «примерностью» и, спрятав в укромный уголок начатую рогатку, призадумался...

Ну что ж! Если уж сегодня ничего нельзя делать руками, так ноги-то у него целы! Поэтому он сейчас же пойдет на то место Кукрэк-тау, где острыми выступами тянется гряда скал, и там начнет учиться прыгать с камня на камень. Он выполнит условие, поставленное ему вожаком. Якуп еще раз оглянулся на свой дом и, опасаясь зорких глаз матери, медленно зашагал к воротам. Подняв брошенный под забором мячик, он немного поиграл им, то подбрасывая вверх, то ударяя в ворота... Потом, как бы увлекшись игрой, он забросил мяч на улицу и открыл калитку. Калитка заскрипела, и в окошко сейчас же высунулась голова матери.

— Якуп, ты куда?

* *Бесэй* — кошка. Здесь созвучие слов «эсей» и «бесэй».

— Вон мяч закатился на улицу, мама, — сказал Якуп.

И, пока мать стояла у окна, он играл на улице, кидая свой мяч в ворота и громко отсчитывая каждый удар. Но, когда окошко захлопнулось, мяч вдруг весело подскокил и покатился по переулку в сторону горы. Якуп побежал за мячом. Катится мяч, и бежит Якуп, не дается ему в руки озорной мяч, только настигнет его мальчик, как опять подпрыгнет он и катится по переулку дальше... Вот уже и переулок кончается, запутался мяч в мягкой траве и остановился, но Якуп так разбежался, что и остановиться не мог, а одним духом домчался до Кукрэк-тау. Теперь уже незачем было оглядываться. Якуп вскарабкался до первой скалы. Там, громоздясь друг на друга, лежали серые глыбы камней, каждый из них был величиной с большой сундук и даже еще больше.

Когда мальчишки аула играли в войну, они всегда выбирали это место и, скрываясь за камнями, стреляли во врага. Но играть здесь было очень опасно. Чуть поскользнешься, упадешь и сломаешь себе шею. Сначала он выбрал камни поменьше и прыгал с камня на камень, неловко размахивая руками и стараясь сохранять равновесие. Один раз, споткнувшись, он больно ударил коленку и оцарапал локоть. Но это не остановило его. Он продолжал прыгать до тех пор, пока не приобрел в этом деле настоящую сноровку. Тогда он перешел туда, где лежали большие камни.

Если бы в это время кто-нибудь из аула увидел играющего у скалы человека, он очень удивился бы и принял его за прыгающую куклу. Но никто из аула не наблюдал за Якупом, а его матери даже в голову не пришло, что ее сын может заниматься такими делами. И Якуп все прыгал и прыгал, крепко стиснув зубы и не давая себе ни минуты передышки. Для него это было не веселой игрой или мальчишеской шалостью, а настоящим срочным и важным делом, он просто честно выполнял обещание, данное вожаку «Таганка». Он падал и ушибался, на щеке и локтях его появились царапины, на лбу вскочила шишка, но с каждой царапиной сердце Якупа становилось крепче и мужественнее, неожиданно он вдруг ощутил в себе задор и отвагу... Одним словом, как говорит Шарифулла, может,

и в сердце Якупа орел свил гнездо, только до сих пор не мог расправить крылья...

Однако, увлекшись Якупом, мы совсем позабыли про Вазира, которого вчера оставили в очень печальном состоянии. Пусть Якуп продолжает заниматься своим делом, а мы тем временем заглянем к Вазиру. Он живет через улицу, наискосок от Якупа.

«КЛУБОЧЕК МОЙ КРУГЛЕНЬКИЙ...»

В годы войны и после войны семья Вазира, как и многие другие семьи, жила очень трудно. Может быть, поэтому у матери Вазира, тети Курбанбики, как звали ее в ауле, появилась странная привычка. Она прятала от мужа и детей хлеб, соль, масло, сметану, чай, сахар и всегда носила с собой ключи от сундука, шкафа и чулана. Эту привычку Курбанбика не бросила и в те годы, когда жизнь уже наладилась, и в доме всего было достаточно. Она по-прежнему жадно считала куски и все съестное прятала под замок. При этом ко всякому тряпью и ко всем остальным вещам она была совершенно равнодушна.

Из-за того что в доме все всегда было под замком, Вазир с малых лет привык везде шарить и ворошить все. Однажды, пятилетним мальчиком, он нашел спрятанную между подушками ржаную лепешку. Но Вазир не пожадничал и не съел ее один, а разломив на две равные части, отдал половину младшему брату Насипу. В другой раз, открыв гвоздем замок чулана, они вдвоем выпили молоко. Потом подобрали ключи к материнскому сундуку. Оттуда стащили кусок сахару, оставленного, как говорила мать, для гостей. Этот сахар они разрубили топором. Кусок поменьше достался Насипу. Неутомимо упражняясь в искусстве открывать любые запоры, мальчики освоили все их секреты. Но в конце концов, все замки в доме Курбанбики совершенно отказались служить.

Очень скоро и сама Курбанбика догадалась, куда исчезают считанные запасы, и на головы мальчиков обрушился гром проклятий. Но мальчишки оказались упорными

и продолжали свое дело. Не доверяя никаким замкам, Курбанбика изменила свою тактику. Она перестала прятать съестное в сундук или в чулан. Такие лакомства, как сахар или конфеты, прятались теперь в карманы старой шубы, в голенища валенок где-нибудь на чердаке или укладывались на дно лукошка, издавна висящего в клетке, масло и сметана из погреба перекочевали в печь старой бани. Но эти меры не дали желаемых результатов, мальчишки упорно и настойчиво продолжали свои поиски и постепенно раскрывали одну тайну матери за другой. К чести их, надо сказать, что они ни на что не набрасывались с жадностью, не съедали находку без остатка. Поиски спрятанного превратились для них теперь в своеобразную азартную игру, в особый род опасного ремесла.

Из этой игры не исключались и такие редкие находки, как деньги. Разве не интересно, пошарив в печурке, вытащить из-под старой коптилки целую пятерку и потом, накупив пряников, съесть эти пряники с веселой компанией своих товарищей? Вазиру это было очень интересно, он так и делал.

Ругань и проклятия, падающие на его голову, отскакивали от нее, как отскакивает град от крыши. Но находить спрятанные деньги все же оказалось нелегким делом. Нашли один раз, нашли другой раз, а на третий не хватило смекалки....

Но сегодня Вазиру было просто необходимо найти деньги. Это уже не игра и не шутка. Вчерашний позор можно смыть только примирением с товарищами, только по-хорошему. В голове Вазира родился подходящий план — найти деньги, купить в магазине пряников и, угостив товарищей, попросить прощения. Ведь в наших краях и взрослые делают так: если какого-нибудь человека незаслуженно обидят, то обидчик приглашает обиженного в гости, угощает и просит прощения. Вазир хочет сделать точно так же.

Отец, недавно вернувшийся с ночного дежурства, спит в сенях. Мать ушла на работу. Чтобы избавиться от лишнего свидетеля, с которым на этот раз нет никакого расчета делить добычу, Вазир прогнал Насипа на озеро стеречь гусей

и, оставшись один, переверачивая все вверх дном, начал искать деньги. Он обыскал подряд все книги, вытряхнул из солонки соль, пошарил по карнизам окон и дверей, сунул голову в печь, но не мог найти то, что искал. В нетерпении и досаде он остановился посреди комнаты и еще раз внимательно огляделся вокруг... Неожиданно взгляд его упал на объемистый шерстяной клубок, небрежно брошенный на карниз печки.

Вазир взял клубок, повертел его в руках, пощупал. Похоже, что клубок намотан слишком поспешно. Уж очень он мягкий. Вазир поднес клубок к уху, сжал его пальцами. Внутри клубка послышалось шуршание. В этом была какая-то тайна. Вазир послушал еще раз, нашел конец пряжи и начал поспешно разматывать клубок.

От нетерпения и надежды сердце его яростно билось. Так бьется сердце охотника, который напал на след медведя. Разматывая клубок, Вазир даже запел тихим и протяжным голосом тут же сочиненную им песенку:

— Клубочек мой кругленький,
Не видал ли моих денежек? —

и сам же ответил за клубок другой песенкой:

— Я клубочек кругленький,
Размотай меня, и тогда скажу...
— А не скажешь, сам узнаю я... —

тихонько поет Вазир и еще больше торопится размотать клубок. Вот уже сквозь шерстяные нитки просвечивается сложенная в несколько раз зелененькая бумажка. Вот она уже в руках Вазира. Ого! Да это новехонькая пятидесятирублевка! А в нее завернута еще одна бумажка — двадцатипятирублевая и еще одна — пятерка. Да это целое богатство! Но Вазиру не нужно так много.

— Здесь три бумажки: папа, мама и ребенок. Нам хватит и ребеночка! — весело говорит Вазир и прячет в карман пятерку.

Остальные деньги он складывает так, как они были сложены. Сматывая клубок, он снова тихим голосом напевает свою песенку:

— Клубочек кругленький,
Что ты видел, что узнал?
— Луна видела, как его солнце унесло,
А я ничего не видел...

Смотав клубок, он положил его на прежнее место и побежал в магазин. Купив пряников, он сунул их в карманы штанов. При этом продавщица почему-то посмотрела на него подозрительно. Как будто Вазир был из тех мальчиков, которые не в состоянии уплатить за пряники.

Но у продавщицы не было никаких подозрений; глядя на голое тело Вазира, она подумала совсем о другом: «Видимо, сегодня мать его занялась стиркой. Неужели же у бедного мальчика нет даже рубашки на смену?..»

Откуда же ей было знать, что этот «бедный мальчик» закалял свое тело!

Вазир вернулся домой и быстро спрятал пряники в сарае, засунув их в солому между прутьями плетеной стены. Он решил, что, когда будет удобный момент, он намекнет товарищам, что у него есть какой-то секрет, и они втроем поднимутся на гору. Там он по одному вынет из кармана пряники и разложит их на траве, а товарищи будут стоять и удивленно переглядываться... Выложив на зеленую траву все восемь пряников, Вазир начнет их делить. Пусть Габдулле и Айдару достанется по три пряника, себе он оставит только два. Он даже согласен не брать себе ни одного, он знает, как надо угощать гостей!

Вазир так размечтался, что почувствовал себя на седьмом небе. В эти минуты не было человека счастливее и радостнее его!

Важно шагая, он вышел на улицу, потом долго стоял у ворот, выпятив голый живот и держа руки за спиной. Вазир был очень доволен собой.

Между тем со стороны горы из переулка неожиданно появился Якуп. На нем не было живого места, он был весь в синяках и ссадинах.

- Эй, Примерный, откуда ты? — осведомился Вазир.
- Я не Примерный, я — Якуп, — твердо ответил Якуп.
- Похоже, что ты схватился с медведем, богатырь?

Якуп хорошо помнил клятву, данную товарищам, но ему было как-то неудобно молча пройти мимо. Впрочем, ведь он клялся только руки не подавать Вазиру. А разговаривать и подавать руку — это вещи разные. Одним словом, Якуп не счел возможным гордо пройти мимо Вазира.

— Я искал телят, — на ходу соврал он.

— Видно, тыкаясь лбом о камни, искал ты этого телят?

— Было такое дело, — вздохнул Якуп, не находя нужным вдаваться в подробности.

— Ну и украсил ты себя... Однако это ничего! Скоро заживет! Заплатки класть не придется! — успокоил Вазир.

У него сегодня было так хорошо на душе и хотелось сделать какое-либо хорошее дело. Поэтому даже к Якупу, давно павшему в глазах ребят, он проявил дружеское внимание и, увидев его синяки, даже пожалел его. Но и этого ему показалось мало, захотелось еще чем-то обрадовать Якупа.

Но у Якупа в эту минуту были совсем другие мысли, ведь, вместо того, чтобы пройти мимо даже не здороваясь, он, не желая обидеть Вазира, стоит с ним и даже великодушно разговаривает...

Если б Вазир догадался об этих тайных мыслях Якупа, то, бесспорно, на лбу Примерного добавилась бы еще пара шишек. Но Вазир ни о чем не догадывался: когда люди в хорошем настроении, они бывают как слепые. Он не только не догадывался, что думает о нем Якуп, наоборот, сердце его прониклось таким искренним, добрым чувством к Примерному, что, недолго думая, он вытащил из кармана свою драгоценную рогатку. Это была прославленная на всю улицу рогатка с красной рукояткой.

— Нравится тебе? — спросил Вазир.

— Почему же, конечно, нравится...

— Надо тебе?

— Надо, но... — растерялся Якуп.

— Раз надо — бери! Дарю тебе насовсем!

У Якупа закружилась голова, в глазах запрыгали красные и зеленые чертики. Вазир протянул ему рогатку.

— Пока дают — бери! — решительно сказал он.

Его голос немного отрезвил Якупа.

— А я тебе дам резиновый мяч да еще велосипедный звонок, знаешь как звонит! — взволнованно прошептал Якуп.

— Не надо. За подарок плату не берут. Рогаток у меня целый ящик...

Якуп неуверенно протянул руку. Он все еще сомневался: не шутит ли Вазир, не издевается ли над ним? Но великодушный, щедрый Вазир был выше грубых шуток и издевательств. Якуп дрожащей рукой взял рогатку и сунул в карман штанов.

— А я тебе, — снова начал он.

Но Вазир резко оборвал его:

— Не надо ничего. Иди домой и учись стрелять.

— Ладно, — кивнул Якуп и, прижимая рукой оттопыренный карман, побежал домой.

А перед Вазиром вдруг предстала Гульнур. Растянув рот до ушей, она держала под мышкой свернутый в узелок красный ситец.

— Ой, бесстыдник, даже рубашку не надел! — пронзительно затрещала она.

— Иди, иди своей дорогой! — отмахнулся Вазир.

— И пойду! Я несу к тете Ямлихе ситец, она сошьет мне красивое платье! — сообщила девочка и, кивнув головой куда-то в сторону, добавила: — А Айдар с Габдуллой пошла на дальний конец Кылыса, они не взяли меня с собой, но зато они словят мне жаворонков. Двух.

Гульнур поболтала и пошла своей дорогой. Она не подзревала, как от ее слов Вазиру стало тоскливо и больно. Разве сытый понимает голодного! Вазир, который только что чувствовал себя самым счастливым человеком, сразу поник головой. Опять его захватили вчерашние заботы и тревоги: значит, правда, что товарищи отвернулись от него! Неужели он, Вазир, оказался в положении отвергнутого всеми Якупа?

Вазир еще не знал, что с сегодняшнего дня звезда Якупа начала восходить. Если бы знал, то, наверное, он не вручил бы ему свое оружие собственноручно...

«Сегодня же вечером надо найти какой-нибудь подходящий предлог, угостить товарищей и попросить прощения. Иначе мне и свет не мил станет...» — озабоченно подумал Вазир.

ПРИМЕРНЫЙ СТАНОВИТСЯ ПРОСТО ЯКУПОМ

Когда Якуп показался в дверях своего дома, мать его в ужасе схватилась за голову и долго не могла произнести ни одного слова. Лицо ее то бледнело, то синело, в горле стоял комок. Наконец, взмахнув руками, она пронзительно закричала:

— Убили сына моего, убили! Какая бешеная собака терзала тебя, мой родненький... Ох, умирает дитя мое, умирает!..

Якуп, который и не думал умирать, спокойно пожал плечами и торжествующим голосом сказал:

— Я играл и прыгал на скалах, мама! Это было очень весело, но я немного поскользнулся...

Гульемеш-апай продолжала причитать:

— Наверное, во всем виноват этот проклятый Вазир! Не я буду, если не схожу в правление и не заставлю их образумить этого хулигана!

Якуп не мог спокойно слушать напраслину о человеке, который только что, проявив небывалую щедрость, подарил ему свою рогатку. У него даже что-то защемило внутри.

— Ты, мама, Вазира не трогай. Он теперь мой друг. Я сам споткнулся и упал. А кто падает сам, тот не должен плакать! — серьезно сказал Якуп.

Но мать еще пуще волновалась:

— Ты не из тех детей, которые падают сами. Не говори пустое! Сколько раз я тебе говорила, чтоб ноги твоей не было у Вазира! Сколько раз я говорила, чтоб ты не водил дружбу с этим негодяем!..

У Якупа, который не находил никакой возможности убедить мать в невинности Вазира, неожиданно явилась дерзкая мысль.

— Раз так, — сказал он, — то ты, мама, сама увидишь, как я заберусь сейчас на вершину вон того вяза и спрыгну оттуда. Даже не ахну!

Пригрозив так, Якуп тут же бросился к одинокому вязу, стоявшему возле забора. Но не успел он еще схватиться за самую нижнюю ветку, как мать догнала его и схватила.

Надо сказать, что до сих пор Якуп неоднократно пытался взобраться на дерево, но это ему ни разу еще не удавалось. Поэтому очень сомнительно, чтобы он мог сделать это теперь, но на мать такая неожиданная выходка произвела сильное впечатление.

— Не глупи, деточка, — сказала она дрожащим голосом, обнимая сына и стараясь отвести его подальше от дерева.

«Ребенок, видно, тронулся умом!» — с ужасом подумала она.

И в самом деле, выходка Якупа казалась очень странной. Ведь он до сих пор все делал только так, как велела ему мать.

— Деточка!.. Деточка!.. — в страхе и смятении повторяла Гульемеш-апай.

Но Якуп ничего не хотел слушать и рвался к вязу, пытаясь освободиться из объятий матери.

— Пусти меня! Говорю же — пусти! Раз сказал, спрыгну!

Гульемеш-апай совсем выбилась из сил, она была уверена, что с ее ребенком случилось что-то неладное, и говорила с ним тихим голосом, как говорят с помешанным, пытаясь успокоить его:

— Ладно, сынок, спрыгнешь, обязательно спрыгнешь. Только завтра, ладно? А теперь пойдем домой, я угощу тебя сливками и печенья сладкого дам...

Услышав о таких вкусных вещах, проголодавшийся Якуп перестал ломаться. Он, конечно, не догадывался об опасениях матери и с торжеством подумал: «Заставил все-таки маму поверить, что спрыгну!»

Не выпуская сына из объятий, Гульемеш-апай повела его домой.

Усевшись за стол, Якуп быстренько расправился с чашкой сливок и порядочной горкой печенья. Он бы съел и еще, но постеснялся попросить.

А Гульемеш-апай, не сводя с него глаз, с беспокойством думала: «Что же делать? Отец уехал и будто пропал, а тут такое горе...»

— Не болят ли, сынок, ссадины твои? — спросила с тоской мать.

— Нет, — ответил Якуп, пощупав синие шишки на лбу.

Сердце матери снова екнуло. «Неужели голова его так расстроена, что он не чувствует даже боли?...» — подумала она.

— Полежи, сынок, ты, наверное, очень устал, — сказала она, разбирая постель.

Якуп, с самого раннего утра борющийся со своей «примерностью», был порядочно утомлен, поэтому не стал сопротивляться и лег. Тут он почувствовал у бедра твердый предмет и ощупал в кармане штанов рогатку. Значит, рогатка на месте. Усталости Якупа как не бывало. Он уже хотел соскочить с места, но... притворился спящим, даже захрапел очень искусно.

Убедившись, что сын уснул, Гульемеш-апай осторожно направилась к двери. Она решила сходить к леснику, который жил в километре пути от аула. Дочь этого лесника была врачом, и только вчера она со своими детьми приехала к отцу на отдых. Гульемеш-апай решила попросить ее осмотреть сына.

Когда за матерью с тихим скрипом закрылись двери, а потом щелкнула калитка, Якуп вскочил и выбежал во двор, посмотрел в щель забора, стараясь определить, куда же пошла мать. В правление она не пошла, к дому Вазира тоже. Якуп увидел, что мать ушла куда-то на окраину аула, и, успокоившись, вытащил рогатку. Какие только вещи не попадают в руки джигитов! Якуп вертел рогатку в руках, с восхищением глядел на красную гладкую рукоятку. Теперь оставалось только взяться за дело.

Земля у крыльца посыпана песком и мелкими камушками.

Набрав в фуражку мелких камушков, Якуп удобно расположился на крыльце. Теперь для стрельбы надо было выбрать цель. Но что ж тут долго думать! Не найдешь более подходящую мишень, чем зеленое ведро, опрокинутое на развилку столба возле кладовки.

Зарядив круглым камушком свою рогатку, Якуп начал прицеливаться. Он долго щурил то один, то другой глаз, потом примеривался обоими, потом, растянув резину рогатки так, что она стала совсем узенькой, сразу отпустил ее. Куда полетел камень, он даже не заметил, потому что резко отпущенная резина так больно ударила его пораненный палец, что в глазах заиграли красные кружки. Если б это случилось раньше, то Якуп выбросил бы рогатку и с плачем побежал к матери. Но те времена уже прошли. Неудача только раззадорила мальчика. Приложив к губам ушибленный палец, он раза два подул на него и снова занялся своим делом. Стрельнул второй раз, и третий, и пятый, однако зеленое ведро продолжало спокойно висеть на своем месте. И даже не звякнуло ни разу!

Тогда Якуп спустился с крыльца и, приблизившись на два шага к кладовке, начал стрелять стоя. На шестом выстреле ведро гулко звякнуло, круглый камушек задел его зеленый бок и отскочил в траву.

— Один блин намазали! — торжествуя сказал Якуп.

Эту поговорку он часто слышал от Вазира и теперь с удовольствием повторил сам.

Но второй «блин» долго не «намазывался». Якуп уже начал падать духом, как вдруг круглый камушек, выпущенный из рогатки, избрал себе другую мишень — зеленое ведро осталось на прежнем месте, а из верхней рамы окошка кладовой со звоном посыпались разбитые стекла. В этот момент с тихим скрипом открылась калитка. Но Якуп, охваченный азартом, ничего не слышал. Он снова спустил резину, упрямо метясь в ведро, и снова со звоном посыпались стекла, теперь уж из нижней рамы окна кладовой.

Гульемеш-апай и врач, которые только что вошли во двор, в изумлении остановились. Мать в испуге с пронзительным криком бросилась к Якупу и схватила его за руку.

— Сын мой!

Якуп едва успел спрятать в карман свою рогатку. Матери его было не до рогатки.

— Это и есть ваш больной ребенок? — спросила подошедшая врач у Гульемеш-апай.

— Да, да, он самый, мой единственный!..

Якупа ввели в дом. Врач осмотрела его горло и глаза. Потом уложила на постель, пощупала живот. Вставив в свои уши резиновые трубки, послушала грудь и спину мальчика, затем еще раз посмотрела глаза.

— Ваш ребенок совершенно здоров, — сказала она матери.

— Как? Разве здоровый ребенок бывает таким? На нем же нет живого места!

— Если бы он был больным — не прыгал бы, если бы не прыгал — не падал. Не так ли, джигит? — улыбнулась врач. «Джигит» согласно кивнул головой.

А мать продолжала свое:

— Каким же лекарством смазать эти раны?

— Не надо никакого лекарства. Так пройдет...

«У этого доктора, наверное, нет сердца», — подумала Гульемеш-апай. Но у доктора было сердце, и даже очень доброе, только она терпеть не могла тех, кто поднимал крик по-пустому. Она собрала свои инструменты в чемоданчик и, попрощавшись, ушла.

«Ну что же делать? Видно, так надо», — думала напуганная Гульемеш-апай. Она весь день караулила своего сына и не выпускала его даже во двор. Но перед заходом солнца, когда возвратилось с пастбища стадо, Гульемеш-апай увидела, что теленок ее где-то замешкался, и пошла искать его. Перед уходом она строго предупредила сына:

— Не смей выходить во двор!

Не очень веря в силу воздействия своих слов и боясь, что мальчик все-таки ослушается, Гульемеш-апай заперла его еще снаружи. Если бы она не сделала этого, то Якуп, может быть, послушался бы и сидел дома. Но кто же будет

спокойно сидеть запертый, как козленок в сарае! Якуп выпрыгнул из окна во двор. Один из трех дней, данных ему вожаком, уже подходил к концу, и Якуп беспокоился, что не успеет как следует напрактиковаться. Поэтому он снова принялся за свое дело и до возвращения матери успел сбить жестяной ободок на верху трубы бани и разбить глиняный горшок, лежащий на завалинке дома соседки с правой стороны, сделать вмятину на боку медного кувшина другой соседки, старой Кюнбики...

Старушка Кюнбика ничего не видела и не слышала, но другая соседка начала сердито кричать и ругать Якупа:

— Или ты превратился во второго Вазира, противный мальчишка? И родится же у хороших людей такой дрянной сын! Он будто не знает, как нужно себя вести! Вот подожди, пусть только вернется мать! Негодный мальчишка!..

Якуп, которого первый раз в жизни назвали «негодным», кажется, не очень огорчился. «Негодного» или «дрянного» мальчишку никто ставить в пример не будет, а это значит, что отныне мальчишки из аула перестанут дразнить Якупа Примерным.

В ОЗЕРЕ ИГРАЕТ РЫБА...

Солнце клонилось к закату. Мелкие быстрые волны весь день играли с ветром, то отбегая от берегов, то шаловливо прижимаясь к ним, но к вечеру они вдруг притихли, словно устали. А может, веселый ветер, главный зачинщик игр, решил дать им отдохнуть, а сам умчался в горы пошататься меж ветвями густых сосен, сдувая с них колючие длинные иголки. Ведь для ветра в любом месте и в любой час найдется работа.

А вот птицы всегда поют, зная свое время. Они не очень-то любят петь в жаркий полдень, но зато в вечерних сумерках, когда легкий холодок освежит землю, каждый кустик на берегу Кылыса поет свои песни. Только сиди и слушай!

Рыбы тоже любят резвиться по утрам и вечерам; плескаясь в прозрачной воде, они оставляют на поверхности

большие и маленькие круги, а некоторые, самые шаловливые, выпрыгивают наверх и, поблескивая серебряной чешуей, как будто хвалятся: смотрите-ка, любуйтесь, какие мы красивые!

Ведь многим из этих сорожек и красноперок, которые так привольно играют сейчас, скоро-скоро придется расстаться со своим озером и перейти в чужое озеро на вершине Кирамета. И никогда уже не вернуться им в родные воды Кылыса!

Обо всем этом рыбы ничего не знали, если бы они хоть чуточку догадывались, то не резвились бы так беспечно.

Вот птицы — это совсем другое дело. Птиц можно отнести далеко, в самые глухие леса, но они все равно найдут дорогу в свои гнездовья. Вот как хорошо жить на земле! Это совсем не то, что жить в воде. Ну ладно, пусть рыбы плавают, птицы поют, а мы заглянем пока в кусты тальника на берегу озера. Сначала мы увидим там одну смолисто-черную голову, потом рядом с ней покажется другая голова — рыжая. И хотя в густых зарослях камыша трудно разглядеть, кому принадлежат эти головы, но мы сразу догадаемся, что вожак Габдулла привел сюда своего верного товарища Айдара и что оба они пришли по важному делу. Да это так и есть, потому что две опоры «Таганка» молча и сосредоточенно плетут морду*. При этом Айдар отличается такой ловкостью и искусством, что Габдулла, хотя и вожак, охотно берет на себя самую простую, заготовительную работу. Он разыскивает в зарослях камышей самую гибкую лозу, срезает ее бабушкиным ножом, очищает от ростков и подает Айдару.

— Ну и мастер же ты, брат! — говорит Габдулла, и в голосе его звучат такие почтительные нотки, что можно подумать, он даже немного заискивает перед товарищем. Что ж, когда в своих руках нет умения, приходится только помогать другому и завидовать ему.

И в самом деле, на Айдара любо было смотреть. Его быстрые обветренные руки неутомимо двигались. Длинные гибкие лозы, как шелковые ленты, так и играли в его

* *Морда* — плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы.

ловких пальцах, словно он плел не морду, а тонкое, дорогое кружево. При этом он ни разу не похвалился своим умением. На его лице не было и тени самодовольства. Изредка шмыгая носом, он сосредоточенно делал свое дело.

Таковыми и бывают настоящие мастера!

Рыбы резвились, птицы пели, мальчики плели, и никто не обращал внимания на мальчика без рубашки, который крадучись шел по берегу. Правда, тонкие ветви ивы, касаясь его голых плеч, пытались что-то шепнуть, но никто не прислушивался к их шепоту. Пройдя немного, мальчишка лег в зарослях на живот и стал внимательно наблюдать за двумя товарищами, погруженными в свое занятие. Глаза мальчика непрерывно моргали, будто яркий свет бил ему в лицо, но острый взгляд его был зорок, он все видел, все примечал... и, придя к какому-то заключению, он схватил пучок осоки и, не вырывая ее из земли, связал узлом, как хвост коня. У нас в лесной стороне люди часто оставляют такие метки, чтоб не потерять след или заприметить место. Видимо, и этот мальчик решил оставить метки. Ведь берега Кылыса обширны, куда ни глянь, всюду непроходимые заросли камышей — не мудрено и заблудиться.

Летом нередко встретишь мальчиков, которые, закаляясь, ходят без рубашек, но таких проворных и одновременно осторожных в Беркутном не часто встретишь. Кто видел хоть один раз это круглое лицо, моргающие ресницы и быстрые кошачьи движения, сразу скажет, что это Вазир.

Проверив все, что ему было нужно, Вазир осторожно отполз подальше в лесную гущу и, нырнув, как перепел, в густую траву, исчез...

Габдулла и Айдар закончили свое плетение и, отдыхая, любовались делом своих рук. Хорошая и красивая вещь получилась! Айдар, как настоящий мастер, тщательно проверил свою работу: он несколько раз открыл и закрыл крышку морды и оглядел ее со всех сторон. После этого мальчики скинули брюки и подошли к воде.

Мальчики выбрали тяжелый камень, положили его на дно морды и потащили ее в воду. Морда не сразу опустилась на дно, пришлось привязать ее к камышам. Боясь,

что к рыбкам могут залезть раки, мальчики крепко-накрепко закрыли крышку, даже закрепили ее ивовой корой. Рыбаки — народ опытный, они знают толк в рыболовстве. Они знают также, что в эту пору лета было бы просто непростительной наивностью сидеть и ждать, когда в морду забредет какая-нибудь рыба. Если ждать, пока попадутся такие заблудившиеся рыбки, может и все лето пройти. Нет уж! Завтра же с четырьмя удочками придется взяться за дело. Только надо подсекать быстрее, чтобы рыба не проглотила крючок, иначе рыба умрет.

Вон сколько рыбок играет на воде! Кажется, что все озеро поблескивает и отликает серебром чешуи. Мальчикам казалось, что веселые играющие рыбки только и мечтают о том, как бы скорей попасть на крючки и перейти в новое озеро. Кто же не любит путешествовать, кому не интересно побывать в других краях?

— Играйте, играйте! — покровительственно сказал Габдулла. — Наступят дни, когда вы будете играть еще веселее!

И мальчики, закончив свое важное дело, поспешили в аул.

УТРО БЫЛО ДОЖДЛИВОЕ

В наших краях даже летние дожди затягиваются надолго. Коли уж начнется такой дождь, так он идет себе и идет целые сутки и шуршит монотонно. Потому и говорят, что дождь идет без передышки. Зато уж в эту пору земля пьет вволю и наслаждается, мокрая черная земля блестит, как губы мальчика, который только что ел кашу с маслом.

Дождь начался в полночь, он не переставая шел и утром, но четыре мальчика в четырех домах не сидели сложа руки. Сразу же после того как отвел безрогую буренку в стадо, Габдулла зашел к Айдару. Товарищи сделали четыре очень хорошие прочные удочки, смастерили мешок из старой рыболовной сети, накопили за амбаром целую консервную банку червей.

— А дождь все идет да идет, на нашу беду, — огорчился Габдулла. — Нашел время! Подвел он нас здорово!

Айдар, привыкший видеть во всем хорошее, пытался успокоить своего друга:

— Пусть льет. Полюет, полует да и перестанет, зато хлеба вырастут хорошие. Завтрашний день от нас тоже не уйдет, и после дождя рыба лучше клевать будет!

— Тебе все хорошо! Ничего ты не придумашь своей головой! — рассердился Габдулла. — А где найти лодку? Думал ли ты об этом?

— А зачем лодку? Рыба и около берега бойко клюет!

— Нет уж! Не к лицу нам топтаться на берегу, как малышам, которые гоняются за мальками, — сказал Габдулла и важно добавил: — Те времена уже миновали!

На самом деле, кто считает себя рыбаком и рыбачит на нашем озере Кылыс, тот не станет сидеть на берегу с удочкой. Крупные рыбы плавают в глубине, и настоящий рыбак сидит в лодке на середине озера.

— Ну что ж! Придумаем какой-нибудь способ достать лодку, — согласился Айдар. — Кстати, дедушка Примерного уехал в город, в гости. Только лодку свою он запер большущим замком. Если бы подобрать ключ...

Вожак Габдулла объявил свой новый приказ:

— Поручить Примерному Якупу достать лодку.

В это время в доме Вазира шел такой приятный разговор.

— С ранней зари поставила я тесто для блинов, — говорила Курбанбика-апай, — дай-ка, думаю, угощу детей своих. Сейчас разожгу печку, накалю ее докрасна...

— А какую сторону ты будешь мазать, мама, гладкую или шершавую? — спросил Насип.

— Буду мазать и гладкую и шершавую, сынок! Беги-ка скорей, притащи мне сухих дров!

— Эх, и блины будут вкусные! — причмокнул Насип и принес со двора целую охапку сухих дров.

Мать нашла дело и для Вазира.

— А ну-ка, Вазир, сбегай быстренько к бабушке Ямлегуль и попроси у нее сковородку. На двух сковородках дело пойдет куда быстрее. Только гляди, Вазир, чтоб одна нога твоя была здесь, другая там!

Поручение было приятное, иначе Вазир обязательно заупрямился бы и заворчал: «Пусть идет твой Насип». Но тут он не стал спорить, надел на босу ногу отцовские сапоги и выбежал во двор.

— Вазир! — закричала ему вслед Курбанбика. — Куда ты бежишь без рубашки, людям на смех? Что это ты бестолковый какой! Надень хоть отцовскую стеганку, ведь дождь льет как из ведра!

Но Вазир даже не оглянулся. За него ответил Насип:

— Что ты, мама! Зачем ему стеганка! Ведь он же закаляет свое тело. Наш Вазир станет сильным, как богатырь. Вот увидишь сама! Если ему встретится бодливый бык, то он опрокинет его на землю одним мизинцем!

— «Опрокинет, опрокинет»!.. А вот как простудится да начнет кашлять да чихать... тогда будет дело.

— Богатыри не простужаются!

— Вот еще второй дурачок выискался! Этого еще не хватало! Болтун ты!

У Курбанбика сегодня было очень хорошее настроение: сам приехавший из Уфы очкастый уполномоченный вчера расхвалил ее работу.

— Работенка у тебя ладится! Ты, Курбанбика, уже выходишь в передовые, в ряды лучших работниц района, — сказал он.

— Спасибо, спасибо! — с радостью ответила ему Курбанбика. — Твое хорошее слово — это пища для души.

Таким образом закваска сегодняшних блинов была заложена еще вчера: услышав похвалу своей работе, мать решила порадовать детей, угостив их блинами. Печка быстро разгорелась, на сковородке шипели и румянились блины, а Вазир ушел и словно в воду канул.

УЧУ ЛОДКУ ПЛАВАТЬ...

Все дома расположились вдоль улицы ровными рядами. Только маленький домик бабушки Ямлегуль, как козленок, отбившийся от стада, одиноко стоит на дальнем конце Приозерного переулка. Или, обидевшись на что-то,

этот домик отвернулся от аула? Только вряд ли можно так думать: весь аул Беркутный не чаёт души в бабушке Ямлегуль! Соседи всегда встречают ее хлебом-солью, часто приглашают в гости.

Этот домик имеет свою историю, свою судьбу. Когда-то его хозяин Мырзабай был отменным рыбаком. Он был глубоко убежден, что «место рыбака возле воды», и построил свой дом на берегу озера. Жили они с Ямлегуль дружно, растили сыновей. Но однажды, когда озеро спокойно катило свои волны, в доме Мырзабая поселилось горе — двое сыновей бабушки Ямлегуль ушли на войну. Ни один не вернулся домой. Перед самой победой умер и Мырзабай. Когда война кончилась и дела в ауле пошли на лад, правление колхоза вынесло решение перенести домик Мырзабая в центр аула, где было свободное место. Но бабушка не согласилась. «Не стану трогать дом с места, где росли мои сыновья», — сказала она.

Если бы в ту пору бабушка Ямлегуль согласилась, то от ее дома до Курбанбики было бы рукой подать и Вазир, который пошел за сковородкой, уже давно возвратился бы, а теперь он ушел и пропал...

Вазир, шлепая по грязи, добежал до конца переулка. Около самой калитки бабушки Ямлегуль он остановился, чтобы взглянуть на озеро. На берегу сидели поникшие гуси, низко клонился к земле камыш, а немного подалее от берега, кренясь то в одну, то в другую сторону, плавала одинокая лодка. Сквозь сетку дождя зоркие глаза Вазира разглядели знакомую фигуру человека, неумело орудующего веслом.

— Ба! Да ведь это же Якуп!

И блины и сковородка сразу вылетели из головы Вазира. Не побежать и не поглядеть на плавающего в лодке Якупа — это было выше его сил! Да виданное ли это дело, чтобы Примерный Якуп в проливной дождь бороздил на лодке озеро?

Вазир побежал на берег и из-за камышей стал молча наблюдать за товарищем.

Якуп не глядел на берег и не видел Вазира, он изо всех сил работал веслом, пытаясь справиться с лодкой. Но лод-

ка не слушалась его, она то беспомощно кружилась на одном месте, то вырывалась вперед, или, поворачиваясь боком, она сильно кренилась к воде; ветер, дующий с берега, медленно гнал ее на середину озера.

Вазир не стерпел.

— Эй, Примерный, что ты там делаешь? — закричал он.

Якуп растерянно оглянулся, но тут же взял себя в руки.

— Учу плавать новую лодку дедушки! — громко ответил он.

— Эх ты, учитель, учитель! Разве сидя гребут одним веслом? Надо грести стоя. Встань сейчас же! — приказал Вазир.

Якуп, наклонившись за борт, с опаской посмотрел на воду.

— Так тут же очень глубоко, а лодку качает...

— Не бойся, бестолковый, здесь совсем не глубоко, даже по горло тебе не будет...

— Да я-то не боюсь...

Якуп нерешительно поднялся и встал посередине лодки.

— Переходи на корму! Кто гребет, стоя на середине, а? — снова закричал Вазир.

Якуп осторожно отступил к корме.

— Вот так, — одобрил Вазир, — теперь начинай грести! Сначала начинай с правой стороны! Говорю же — с правой! Ты что, не знаешь, где правая, где левая! Вот правая, смотри!

Вазир поднял руку, но так как он стоял к Якупу лицом, то правая рука товарища показалась ему левой. Увидев свою ошибку, Вазир не показал и виду, только поспешно добавил:

— Эй, ты, Якуп! Греби как знаешь, слышишь? Я говорю, ладно, греби, как знаешь!

Якуп старательно греб то правой, то левой. Вазир, размахивая руками и шлепая по грязи, бегал по берегу, нетерпеливо командуя:

— Греби с той стороны! Теперь с этой! Вот так! С той! С этой! Теперь опять с той!

Лодка, кружась и качаясь, медленно приближалась к берегу, но этого Вазиру было мало, он не мог равнодушно смотреть на человека, который не умеет управиться с таким простым делом, как гребля.

— Весло не топи, куда ты его всадил так глубоко в воду, ты же не картошку копаешь! Шире размахнись! Пошире, говорю! Да не качайся, как маятник! Стой прямо! Вот так! — яростно командовал Вазир.

Якуп старательно выполнял приказы товарища; но как раз в тот момент, когда он считал, что уже кой-чему научился, пришла неожиданная беда.

— Пошире размахнись! — снова крикнул Вазир. — Ну, пошире!

Расхрабрившись, Якуп размахнулся, глубоко загреб воду, лодка сильно качнулась, и мальчик, потеряв равновесие, бултыхнулся в воду.

— Садись! — заорал было Вазир, но садиться было уже некому...

На волнах плавала только клетчатая кепка Якупа. Вазир, раскрыв от изумления рот и уставившись неподвижным взглядом на эту кепку, замер на берегу.

Когда же промокшая до ниточки кепка стала погружаться в воду, неподалеку от нее вынырнула голова Якупа. Вазир пришел в себя и, как пущенный из рогатки камень, плюхнулся в воду. Сапоги его сразу завязли на илистом дне и сами собой сползли с ног, но Вазир даже не заметил этого, стремясь скорее достигнуть лодки, где, то всплывая наверх, то вновь погружаясь, виднелась голова Якупа. На этом месте было не так уж глубоко, вода доходила Якупу до ушей, но человеку, не умеющему плавать, не так уж много надо воды, чтобы утонуть...

Вазир подплыл к незадачливому гребцу и, схватив его за воротник, потащил к берегу. Когда они оба выбрались на твердую землю, лицо Якупа было белым-бело.

Вазир крепко поставил его на ноги и, облизывая посиневшие от холода губы, пошутил:

— Вкусна ли вода в озере?

Но Якуп только покачал головой. Видно, вода была не так-то вкусна.

— Ну, иди! — сказал Вазир. — А я еще разок нырну и поищу твою кепку!

— Не надо, — с усилием сказал Якуп. Зубы его стучали от озноба, голос дрожал. — Не надо. Была бы цела голова, а кепка найдется.

Вазиру и самому не очень-то хотелось лезть опять в холодную воду.

— Кепка-то кепка, — задумчиво сказал он, но, оглянувшись на озеро, вдруг всплеснул руками. — Лодка уходит... Лодка и весло!.. — крикнул он уже на бегу и, бросившись в воду, крупными саженками поплыл к лодке. Выловив качающееся на волнах весло, он ухватился за лодку и одним рывком перекинулся через борт. Вскоре он уже уверенно греб к берегу.

Якуп, все еще дрожа от испуга и холода, с невольной завистью смотрел на Вазира.

«Эх, уметь бы так плавать, как Вазир!» — думал он про себя.

А мокрый с головы до ног Вазир, вытащив на берег лодку, занялся своими сапогами. Найти их было нетрудно, так как в том месте, где их засосал ил, было довольно мелко и голенища еще торчали из воды. Вазир выплеснул из них воду и весело сказал:

— Как хорошо вышло, теперь и отцовские сапоги сами по себе помылись, только домой придется идти босиком, не пачкать же опять чистые сапоги!

Якуп все еще неподвижно стоял на прежнем месте. Вазир подошел к товарищу и, похлопав его по плечу, одобряюще сказал:

— Из тебя выйдет толк. Только пока что хватка не та. А толк выйдет.

— Правда? — обрадовался Якуп.

— «Правда, правда!» — передразнил Вазир. — А когда я говорю пустое?

— Конечно, не говоришь...

— Ну ладно. А теперь что будем делать?

— Не знаю... Надо бы отвести дедушкину лодку на место.

Мальчики снова столкнули лодку в воду.

— Бери весло и греби не спеша, — сказал наставник своему ученику.

Якуп повел лодку вдоль берега. Вазир продолжал давать указания, но и сам Якуп, прошедший боевое крещение, теперь уже уверенней вел лодку, он и не заметил, как проплыл довольно большое расстояние.

Когда они с Вазиром уже привязывали цепь лодки к столбу и вешали замок, откуда ни возьмись, появилась мать Якупа. Она начала громко причитать и выкрикивать:

— Ох я несчастная! Этот ребенок бросает меня в огонь и в воду! Дитя мое, ведь ты же стал похож на водяную крысу! Конечно, все это дело рук Вазира! Если сегодня же я не пойду в правление и не пожалуюсь на этого Вазира, пусть имя мое не будет Гульемеш! Ты слышишь меня, Вазир? Зачем ты мучаешь ребенка? Куда ты дел его кепку?

Гульемеш-апай хотела взять сына за руку, но тот резко отстранился.

— Если ты, мама, скажешь еще хоть одно слово Вазирю, я... я сейчас же сяду на эту лодку и уплыву далеко-далеко! А если я уплыву, то никогда уже не вернусь, так и знай!

Гульемеш-апай бросила уничтожающий взгляд на молчаливо стоящего в стороне Вазира, но повернула свой разговор в другую сторону:

— Ладно, ладно, я ничего не скажу, пусть будет по-твоему, только пойдем домой!

Она снова хотела взять сына за руку.

— Не надо вести меня за руку, — воспротивился мальчик. — Я и сам пойду, только чтоб о Вазире ни одного слова!

— Ладно, ладно! Сказала же, что не буду...

Мать и сын отправились домой. Вазир, держа под мышкой сапоги, остался на берегу озера. Он никуда не спешил, так как давно позабыл о сковородке и о блинах, которые ждут его дома...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь лил и лил целый день, но к вечеру наконец перестал. Тучи, которые, казалось бы, заволокли небо навсегда, за какой-то коротенький миг рассеялись, и ясным голубым небом, только что омытым дождем, снова завладело солнце. И только самые маленькие капельки дождя, словно заблудившиеся где-то наверху, изредка капали на землю. Может быть, эти капельки дождиные дети, они заигрались на небе и не успели упасть вместе с крупными каплями, ведь, что ни говори, дети есть дети: коль увлекутся игрой, все на свете забывают.

Эти капельки такие теплые, такие ласковые. Если протянуть им руку, они доверчиво усеют твою ладонь мелкими блестками, а если сожмешь вдруг руку, то поспешно убегают между пальцами.

Вот какие шалуны!

— Ага, попалась на удочку — в мою ручку! — кричит Гульнур, глядя на упавшую ей на ладонь капельку. — А почему ты такая тепленькая! Наверное, там, поближе к солнцу, тебе было очень тепло!

Гульнур раскрывает ладонь и, поднимая вверх, зовет к себе в гости другие капельки.

— Падайте, падайте на ладошку! — говорит девочка и смеется.

Она примостилась на бревне возле забора и не обращает никакого внимания на Габдуллу и Айдара, которые молча и сосредоточенно что-то обдумывают, сидя на другом конце бревна. Вид у мальчиков понурый. Что им до того, что малыши со смехом и визгом шлепают по теплым дождевым лужам и ручейкам, что Гульнур без умолку щебечет, собирая в ладонь капельки! У них свои заботы.

— От этого Примерного никакого толку нет, — сказал Айдар, высказывая вслух свои мысли. — Когда не надо, он всегда тут вертится, а когда надо, так и глаз не кажет. Мямля!

Габдулла только плюнул сквозь зубы. Это означало крайнюю степень его раздражения.

Но Айдар, помолчав немного, начал снова:

— Наверное, он испугался. А лодка старика самая лучшая, она не пропускает ни капельки воды.

Вдруг Габдулла спросил:

— Ты считаешь меня вожаком?

— Конечно, считаю! — подтвердил Айдар.

— Если считаешь, то сейчас же иди и вызови сюда Примерного!

— Я пойду, но если его мать увидит меня, то сразу же поднимет шум и ни за что не отпустит Якупа!

Айдар оглянулся на сестренку, Гульнур уже уговаривала прибитую дождем траву выпрямиться и взглянуть на солнышко.

— Сестренка, умница моя, Гульнур, — ласково сказал Айдар. — Ты ведь знаешь, что я поймаю тебе двух птенцов жаворонка.

Гульнур живо подбежала к брату.

— Знаю, но ведь ты их не ловишь.

— Поймаю. Вот увидишь. Я принесу их тогда, когда будет готово твое красивое красное платье. Ладно?

— Ладно.

Кивнув головой, Гульнур хотела снова усесться на свое место, но брат удержал ее, сказав:

— Я сделаю тебе еще и клетку для этих птичек и сам покрашу ее в голубую краску.

— А я насыплю им зерна! — оживилась Гульнур.

— Конечно, насыплешь. Только слушайся меня. Ты ведь уже большая.

Хоть на этот раз Гульнур и не очень хотелось быть «большой», но она промолчала, потому что ей очень хотелось иметь маленьких птенцов. У подружки Альфии есть птенец, а у нее, Гульнур, до сих пор нет.

И девочка с надеждой и радостью посмотрела брату в глаза.

— Иди, сестричка, быстренько позови Якупа, — сказал Айдар. — Только гляди, чтоб мама его не слышала.

Гульнур, разбрызгивая босыми ножками лужицы, побежала к дому Якупа. Добежав до ворот, она остановилась и, приникнув к щели в заборе, окинула взглядом весь

двор. Якуп, сидя на сваленных в кучу дровах, что-то стругал. Он был так увлечен работой, что даже не поднимал головы. Гульнур не посмела окликнуть его, опасаясь, что может услышать мать Якупа. Подумав немного, она подняла камень, чуть побольше своего кулачка, и, поднявшись на цыпочки, бросила его через забор. Камень шлепнулся в лужу, неподалеку от мальчика. Якуп вздрогнул и оглянулся, ему показалось, что из щели забора высунулся розовый пальчик, но, может, ему это только показалось, и он подошел поближе. Тогда палец в щелке вдруг закивал, запрыгал и стал усиленно царапать ногтем доску.

— Кто там? — шепотом спросил Якуп.

— Это я, — запищала Гульнур. — Мой брат Айдар и Габдулла зовут тебя, сказали, чтобы ты быстренько пришел. Если быстро не придешь, они рассердятся, и опять будут говорить, что от этого Примерного нет никакого толку... Они сидят около нашего дома на бревнах.

— Ладно. Не болтай долго. Иди своей дорогой. Беги!

— Ну и побегу!

Однако Гульнур побежала теперь в другую сторону. Ей вдруг вспомнилось то красивое платье, которое шьет ей портниха Ямлиха. Гульнур побежала узнать, как оно там, ее платье, ведь вместе с платьем появятся птички, значит, у нее впереди три радости — две птички и одно платье! Да еще и клетка. Значит, четыре радости.

* * *

Якуп недолго заставил товарищей ждать себя. Он прошел через картофельное поле к берегу озера, потом по переулку поднялся на улицу. Такая дорога была гораздо длинней, но она была безопасней, так как скрипучая калитка Гульемеш-апай, выходящая прямо на улицу, сразу доносит своей хозяйке, что кто-то зашел во двор или вышел. Габдулла и Айдар уже два дня не видели Якупа. За это время он немножко осунулся, лоб его был все еще украшен темно-желтыми синяками, а сам будто вырос и даже выпрямился.

Вожак встретил Якупа удивленным вопросом:

— Кто это тебя так разукрасил?

— Сам себя.

— Уж не ври!

— Клянусь хлебом и солью! Из меня уже вся примерность вышла. Я научился прыгать со скалы. Ты же сам велел. Вот только не умею плавать.

— Проглотишь пару ведер воды в озере, так научишься!

— Научусь, конечно, — нехотя сказал Якуп; его все еще мутило от выпитой утром озерной воды.

Хотелось бы по порядку доложить жожаку обо всех своих делах, но Габдулла об этом не просил, а Якуп решил повременить.

— Когда вернется твой дед? — спросил Айдар.

— Дед-то, наверное, не скоро вернется. А что?

— Где ключи от его лодки?

— Не знаю...

— Ты брось это «не знаю»! Понятно? — резко сказал жожек. — Завтра с рассветом надо выходить на озеро. Соберемся еще потемну за баней бабушки Ямлегуль. Чтобы лодка твоя была с вечера готова.

Якуп безмерно обрадовался, что товарищи обратились к нему с таким делом. Как не радоваться человеку, который до сих пор был всеми отвергнут, и вдруг сам жожек «Таганка» поручает ему столь ответственное дело! Якуп взволновался, бледное лицо его зарумянилось, глаза засияли. Хорошо, оказывается, чувствовать себя равным среди сверстников.

— Что же, лодка готова! — радостно сказал он. — Хоть сейчас садись и плыви!

— Да, готова! На ней же висит замок величиной с большую варежку!

— Ну и что ж! Хоть замок и большой, он как собака, которая не лает и не кусает. Ведь дедушка оставляет лодку на замке только для виду.

— А потом дедушка не заругает? — озабоченно спросил Айдар.

— Думаю, не заругает. Ведь дедушка-то у меня свой.

Пока три опоры «Таганка» вели такой серьезный разговор, по другой стороне улицы прошел Вазир. Вид у него

был независимый, руки засунуты в карманы штанов. Он шел и даже насвистывал какой-то мотив, как будто он совершенно безразлично относится ко всем трем мальчикам, все дела его сделаны, свет ему мил и на улице он вышел будто просто так, чтобы закалить свое тело.

Вазир медленно прошел по улице в одну сторону, потом в другую, но никто не обернулся и даже не взглянул на него. Вернее, взглянули, конечно, но не подали виду. И никто из сидящих на бревнах мальчиков не посмел произнести имя Вазира, как будто по улице прохаживался не их прежний друг и товарищ, а просто ягненок, который не находит своих ворот. И даже хуже, потому что заблудившемуся ягненку каждый открыл бы ворота и впустил его.

Когда возвращался обратно, Вазир перешел на ту сторону, где сидели мальчики. Приближаясь к «Таганку», он вынул руки из карманов, перестал свистеть и постарался показаться жалким. Вазиру было очень тяжело унижаться перед товарищами. Из жалости к себе он даже чуть-чуть не заплакал. Но он уже не видел другой возможности помириться, поэтому, поравнявшись с мальчиками, собрал все свои силы и остановился перед вожаком.

— Габдулла, — сказал он тихим, дрожащим и печальным голосом. — Тот ножик я сразу же отнес. Если не веришь, спроси у самого Шарифуллы. И пусть отсохнут мои руки, если я теперь трону чужое!

Этими словами Вазир надеялся, прежде всего, расположить к себе Габдуллу, Айдар-то уж не стал бы перечить вожаку.

Габдулла, собираясь грубо и решительно оборвать Вазира, поднял голову и... не смог произнести ни одного резкого слова. Глаза Вазира часто-часто моргали, верхняя губа дергалась, на руках выступила «гусиная кожа», по голый груди тянулась глубокая свежая царапина. Эта метка была получена утром, когда Вазир спасал лодку Якупа.

Габдулла молча смотрел на товарища, жалкий вид Вазира рассеял его гнев. И не только это, сердце его больно сжалось: перед глазами Габдуллы вдруг встал другой Вазир, его прежний веселый друг, с которым они вместе

росли. Все приходит на память в такие минуты. Габдулле вспомнилось, как очень давно они играли в лесу, бросая вверх свои кепки. Кепка Габдуллы зацепилась за самую высокую ветку и повисла на ней. Напрасно мальчишки пытались сбить ее камнями и палками, ни у кого не хватило ловкости и сил, чтобы взобраться на дерево. Один лишь Вазир, обдирая ладони, докарабкался до кепки и снял ее, а спускаясь на землю, сорвался и больно ударился о камень. Но он не заплакал и не жаловался, только сказал так, как говорят взрослые: «Кто не ходит, тот не падает».

Габдулла вспомнил еще, сколько они с Вазиром ходили вместе на рыбалку. Габдулла был не очень удачлив на рыбной ловле. Когда у Вазира было уже несколько пойманных рыб, у Габдуллы еще даже не клевало. И все же, когда они возвращались домой, всю добычу — и крупную и мелочь — Вазир делил пополам...

А в прошлом году был и такой случай. Какой-то злодей бросил в глубокий колодец котенка. Котенок не утонул, он забрался на мокрый выступ и до полудня жалобно мяукал. Пробовали на вожжах спускать ведро, но у котенка не хватило ума перелезть в ведро. И дети и взрослые пытались спасти его, но ничего не могли сделать. И вот с длинной веревкой в руках появился Вазир. Он привязал конец веревки к столбу и по ней бесстрашно спустился в темный, глубокий колодец. С каким страхом смотрел тогда Габдулла, как, повиснув на одной руке, Вазир сначала снял с выступа котенка, посадил его в ведро и только после этого поднялся сам...

Все эти яркие воспоминания мгновенно пронеслись в памяти Габдуллы. Неужели это тот же Вазир, смелый друг, стоит теперь с повинной головой перед своими товарищами и молча просит у них прощения? И Габдулла, и Айдар были готовы простить его, но как вожак, Габдулла считал, что он не имеет права быть таким сердобольным и уступчивым по отношению к человеку, который запятнал честь «Таганка». «В таких случаях надо быть твердым!» — подумал Габдулла и поэтому, напустив на себя строгость, спросил холодным, безразличным тоном:

— Чего тебе надо?

— Ничего, — робко ответил Вазир.

— А коли ничего, так зачем тут вертишься?

— Вы мне нужны, — пролепетал Вазир дрогнувшим голосом, и глаза его замигали еще чаще.

Якуп от жалости к Вазиру с трудом удерживал слезы. Он очень жалел Вазира и никак не мог понять, что наделал человек, который своей смекалкой и решительностью всегда отличался от других. Почему Вазир, который держал в своих руках всю улицу, очутился теперь в таком жалком положении? Почему товарищи отворачиваются от него?

Якуп нащупал в кармане рогатку с красной рукояткой, из этой рогатки Вазир бил без промаха в любую цель. Якуп с болью и уважением смотрел на своего друга.

— Хотите — ругайте, хотите — колотите, — сказал Вазир. — Только послушайте меня!

— Ладно, выкладывай быстрее! У нас нет времени! — хмуро согласился Габдулла.

— У меня в сарае есть одна заманчивая штука. Ну, не такая уж заманчивая, конечно... Пойдем, посмотрим...

— Наверное, какая-нибудь хитрость, — усомнился Айдар.

— Нет, не хитрость это.

— А что же!

— Пойдете — увидите!

Все три подпорки «Таганка» переглянулись, но решающее слово, конечно, принадлежало жожаку, и он сказал:

— Если и пойдем, то только затем, чтоб испытать тебя. Смотри, если ты хочешь подстроить какую-нибудь хитрость, то потом пеняй на себя!

И он показал Вазиру свой крепкий кулак.

— Да нет! Говорю же, хотите — режьте, хотите — жгите...

Габдулла подал команду «Таганку»:

— Пошли, посмотрим!

Но приглашение Якупа не входило в расчеты Вазира, более того, он считал, что Примерный пока еще был недостойн входить в такое почетное общество.

— А тебе, Якуп, не обязательно ходить! — сказал он.

Якуп умоляюще посмотрел на Габдуллу, и вожак сам ответил за него:

— Нет, пусть и Якуп идет с нами! Он наша третья подпорка!

Сердце Вазира екнуло, но он не подал и виду, великодушно сказав:

— Ладно, пусть идет, мне не жалко! — А про себя быстро сделал расчет: если Габдулле и Айдару достанется по три пряника, ему самому и Якупу достанется по одному прянику, а если делить поровну, то каждому человеку достанется по два.

ВТОРОЙ ПРОМАХ ВАЗИРА

Как только вошли в сарай, Вазир сразу почувствовал себя увереннее. И даже голос его стал бодрее, ведь что ни говори, а сегодня он будет хозяином угощения.

— Ребята, — сказал он торжественным голосом. — У меня есть для вас маленькое угощение! Хоть и небольшое, примите как большое! — Эти слова Вазир часто слышал от отца, когда тот угощал гостей.

Глаза мальчиков заблестели: «Какое же будет угощение?».

Сластена Якуп даже причмокнул губами и проглотил слюну.

— Угощение не ахти какое, — торопился Вазир, вне себя от радости. — Ну-ка, Якуп, дай-ка фуражку!

На голове Якупа была старая отцовская фуражка. Взяв эту фуражку, Вазир отправился в темный угол сарая и, просунув руку в щель между прутьями плетеной стены, начал там шарить. Три пары глаз жадно следили за каждым его движением.

— Ага, попались, сладенькие! — переключивая в фуражку пряник за пряником, приговаривал Вазир. — Попались! Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Габдулле с Айдаром по три пряника, остальным по одному, и никому не обидно!

Угощение оказалось солиднее, чем ожидали мальчики. А к тому же так неожиданно-негаданно полакомиться пряниками не всегда удастся! Якуп еще раз проглотил слюну, а у других в горле тоже защекотало.

Вазир схватил фуражку с драгоценным лакомством. Он не считал удобным угощать гостей в сарае — они же не телята, чтоб стоять и жевать в коровнике.

— Пошли за сарай! Там есть укромное местечко, — пригласил он своих гостей.

Гости не стали отказываться от приглашения хозяина.

Все знали: за сараем лежит большой плоский камень. На нем можно устроить целый пир. Очень удобно. Сейчас хозяин разложит на этом камне свое богатое угощение, гости, конечно, не заставят долго упрашивать себя, а Вазир, как гостеприимный хозяин, будет все время упрашивать их, чтоб не стеснялись. Может, не особенно станет упрашивать только Якупа.

Есть ли на свете большее удовольствие, чем угощать гостей?

Когда вся компания зашла за сарай, Вазир широким жестом вытряхнул на камень содержимое фуражки, а фуражку небрежно кинул Якупу. Но что это вдруг случилось с гостями? Губы, только что расплывавшиеся в улыбках, надулись, брови удивленно поднялись, глаза, блестевшие от приятного ожидания, потускнели... Что случилось с гостями? Да и хозяин словно окаменел на месте... В чем же дело?

А дело в том, что ни одного целого пряника не осталось. Все пряники были обгрызены мышами: одни — с краю, другие — со всех сторон, а два пряника продырявлены насквозь. Оказывается, не только мальчики, но и мыши любят пряники. За два дня они попиروвали вдоволь!

— Можешь слопать сам то, что не успели догрызть мыши! — с горечью сказал вожак.

Вазира словно молния ударила. На голову человека могут свалиться всякие беды, по столько бед на одного человека — это уж слишком!

— Я их только вчера принес... — растерянно пробормотал он. — Если не верите...

Якуп попробовал исправить положение:

— Говорят, если съешь то, что останется от мышей, зубы становятся крепкими.

Но Айдар резко перебил его:

— Наши зубы и так крепкие. Мы росли не так, как ты, с сахаром в зубах!

Злость душила мальчиков. Еще бы! Это хоть кому будет досадно, ведь они так надеялись, так настроились...

— Спасибо, получили удовольствия больше, чем от хорошего угощения! — сказал Габдулла и тут же приказал «Таганку»: — Пошли!

Обиженные гости медленно удалились. Вазир долго глядел на пряники, разложенные на камне. Затем один за другим он начал швырять их в огород, с остервенением повторяя при каждом взмахе руки:

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Кому были адресованы эти слова — мышам ли, товарищам ли или самому себе — неизвестно. Выбросив последний пряник, он громко всхлипнул и, упав на камень, начал плакать. Долго плакал Вазир. Давно-давно отучил он себя от слез и жалоб, но теперь он плакал до тех пор, пока не иссякли все слезы, и все думал, сколько пришлось стараться, и все напрасно. Стажил мамины деньги на пряники, а попировать не удалось.

ПОПАЛАСЬ, РЫБКА, НА УДОЧКУ!

Видели ли вы наше озеро Кылыс, когда рождается день? Нет, наверное. Но если бы хоть раз вам довелось увидеть это чудо, то вы не забыли бы его никогда! Я говорю об этом не ради пустого хвастовства. Мы не делали ни озера Кылыс, ни утренних зорь — их создала природа, а я могу только восхищаться этой красотой и рассказать о ней, чтобы и вы могли увидеть моими глазами хоть частицу этой красоты и порадоваться.

Сначала первые лучи нового дня ударяются о крутую скалу за Кылысом, потом, сверкая, рассыпаются по сторонам. В эту пору озеро еще спит, покрывшись мягким

покрывалом из молочно-белого тумана. Даже свету зари не под силу разбудить спящее озеро, наоборот, оно еще плотнее закутывается покрывалом. Озеро укрывается потому, что у нас в горах летнее утро обычно бывает прохладным. Только тогда, когда появляется солнце, наше озеро Меч начинает блестеть, как клинок, вынутый из ножен.

«Долго спишь, Кылыс! — упрекает его солнце. — Какие сны тебе снились?»

«Когда на земле мир, меч должен спать спокойно, — шутит озеро. — Хорошие сны мне снились, солнышко, спасибо!»

И солнце уходит своей дорогой. Разве сможет оно обойти за день всю землю, если будет долго разговаривать с каждым встречным!

Все выше поднимается солнце, а вода в эту пору на озере становится ласковей и спокойней. Хочется босиком пробежать по этой глади. Когда рождается новый день, рождаются и новые радости, новые надежды. Грустные и беспросветные бывают только туманы. Но это потому, что они недолговечны. И все-таки, ухватившись за камыши и тальник, и даже за широкие листы кувшинок, туманы пробуют подольше удержаться на озере. Но напрасно. Туман недолго может жить рядом с солнцем. Это знает всякий.

На рассвете, когда в ауле началась разноголосая перекличка петухов, три мальчика сели в лодку. В эту ночь Габдулла и Айдар спали вместе на сеновале. Никто и не заметил, как они поднялись и ушли. Но Якуп не сумел выбраться из дому незаметно. Он проснулся, когда только-только забрезжила заря, и долго лежал без движения, прислушиваясь к дыханию матери. Потом начал потихоньку одеваться. Но едва он натянул одну штанину, как проснулась мать.

— Почему рано проснулся, сынок? Или плохой сон приснился?

— Сна я не видел. Просто сегодня мы с ребятами идем на рыбалку.

— На рыбалку? На озеро? — Гульемеш-апай даже подскочила на кровати.

— Рыба-то бывает в озере, мама, — спокойно заявил Якуп.

— И рта не раскрывай! Еще этого не хватало!

— Я товарищам дал обещание, мама. А обещание нельзя нарушать!

— Разные бывают обещания, одни нельзя нарушать, а другие можно. А из дому ты и шагу не сделаешь! Вот так вот.

— А чем же я хуже других, мама? Почему-то другим можно, а мне нельзя?

— Мне нет дела до других. У меня сын один! — возмущенно ответила Гульемеш-апай.

Якуп вспомнил свою прежнюю угрозу.

— Ну, знаешь, мама, если ты меня не отпустишь с товарищами, я сейчас же сяду в дедушкину лодку и один уплыву далеко-далеко в озеро! Так и знай! Ты все мне запрещаешь, а я уже большой!

У Гульемеш-апай даже в глазах потемнело. Что случилось с ребенком? Какая нечистая сила сглазила сына? Мальчик, который был смирным, как курица, за какие-нибудь два-три дня совсем отбился от рук. «Если его сейчас не отпустить, все равно сделает по-своему, еще и правда уплывет на лодке», — подумала мать и, помолчав, спросила:

— Кто же твои товарищи? Тот же Вазир, наверное...

— Габдулла и Айдар, — с гордостью ответил Якуп.

Поторговавшись довольно долго, мать с болью в сердце все-таки согласилась. Это была первая большая победа Якупа.

— Только гляди в оба там, не зевай на озере, — наставляла мать, провожая сына...

И вот теперь Якуп с веслом встал на корму лодки, Габдулла уселся посередине, а Айдар устроился на ногу. Гребец начал грести довольно бойко. Лодка спокойно пошла вдоль берега и скоро совсем исчезла в тумане. Добравшись до дальнего берега Кылыса, мальчики оста-

новились в камышах, где был спрятан их садок, и закинули удочки. К этому времени уже взошло солнце и озеро очистилось от тумана.

Вначале рыба клевала хорошо. Айдар успел наловить восемь сорожек, пару довольно крупных окуней и одну красноперку. А Габдулла, хоть и мелких, но все же наловил шесть-семь рыбок. Только у Якупа вся рыба срывалась, потому что он резко дергал удочку, как только она начала трогать приманку.

Каждая выловленная рыбка попадала в сетчатый мешок, опущенный с борта лодки в воду, и, думая, что она снова вернулась в озеро, начинала плавать там и плескаться.

Когда удишь рыбу, нельзя шуметь. В наших краях, когда забрасываешь удочку в воду, принято говорить волшебные заклинания. Но это шумом не считается.

— На крючок я поплевал и сорожку вынимал, — каждый раз заговаривал свою удочку Габдулла.

Когда Айдар вытащил красноперку, он сначала плюнул на нее, а потом начал бормотать:

— Красноперка милая, пригласи свою мамочку, не забывай папочку, прихвати братца, позови сестрицу. Зови их, не ленись! Красноперка, ловись! Ловись!

К мальчикам присоединился и Якуп:

— Ловись-ловись на удочку, попадись ты на удочку, не попадешь на удочку, превратишься в дурочку!

Каждая рыба предпочитала превращаться в дурочку, да не попадать на удочку. Она никак не поддавалась на уговоры Якупа, даже ухом не повела. Ухом-то, быть может, и повела бы, да у нее нет ушей.

Чем выше поднималось солнце, тем хуже и хуже клевала рыба. Рыбаки несколько раз меняли место, однако рыбы, словно сговорившись, не подплывали к удочкам. Сидеть дольше было бесполезно. Всю рыбу, что удалось наловить, надо скорее, пока она жива, выпустить в садок. И голод начал донимать, в животах уже кошки скребут.

Раздвигая камыши, где спрятана морда, лодка уткнулась носом в берег. Габдулла с Айдаром, сняв штаны, поспеши-

ли к морде. Вот и она! Лежит на том же месте, где и клали ее в прошлый раз... но постой! Кажется, камыши шевелятся вокруг? Мальчишки так и замерли на месте... Внутри морды плескались крупные сорожки, красноперки, окуни. Их не меньше пятнадцати, а то и двадцать штук! Как они сюда попали? Вот так загадка! Крышка плетенки так же закрыта, как они сами ее закрывали. Рыба сама никак не могла проскользнуть через нее, значит, это сделано человеческой рукой!

Иногда бывает так, что из чужой морды утащат рыбу. Когда Айдар и Габдулла были глупы, они и сами раза два совали руки в чужие сети. О Вазире и говорить нечего. Но они никогда не видели, чтобы кто-нибудь бросал свою рыбу в чужую морду. Слыхом не слыхано о таких чудесах! Во всем ауле Беркутном не найдется человека, который поверил бы этому. А расскажи про такое чудо, так вруном назовут.

— Вот тебе, как говорит бабушка, и чудо: кому суждено иметь добро, тому вынесут его прямо на дорогу! Ну что ж, ладно! Запас карман не дерет! — сказал Габдулла.

— Может, кто-нибудь принял нашу морду за свою и по ошибке пустил туда рыбу? — высказал свое соображение Айдар.

— Ну да, держи карман шире, пустит тебе кто-то!

— А если не по ошибке, то здесь какая-то хитрость, — снова высказал свое сомнение Айдар.

— Тебе всегда мерещатся всякие хитрости, — усмехнулся Габдулла, озадаченный не менее товарища.

— А знаете, кто это сделал? — сказал Якуп, стоявший на берегу. — Волшебник, который покровительствует рыбакам!

— Как же, волшебник! А еще пионер! — окончательно отверг это предположение Айдар.

Мальчишки были в полном недоумении. Даже сам вожак не смог разгадать тайну появления чужой рыбы в морде. Загадка осталась неразгаданной.

На другой день промысел наших рыбаков был более удачным: наловили почти полведра рыбы. Но зато и встре-

вожены они были больше, чем вчера, так как в морде снова прибавилось рыбы, да еще среди этих рыб оказались три золотистых карася. Мальчики просто онемели от удивления. Никто не знал, радоваться или горевать? Другое дело, если бы стало меньше рыбы. Тогда сказали бы просто: «Какой-то хапун повадился». И подозрение, конечно, прежде всего пало бы на Вазира.

— Ребята! — сказал Якуп. — Давайте думать хорошее. Может, просто к нам пришла удача. Мы же не крали чужое.

— То, что достается без труда, тоже считается как ворованное, — мрачно заключил вожак.

— Но мы же знаем, какие рыбы наши, тогда давайте выпустим чужих, и дело с концом! — решительно предложил Айдар.

Но, чтобы перейти от этого решительного предложения к делу, у мальчиков не хватало решимости. Как это взять да выпустить самим, собственными руками, столько блестящих, красивых рыб? Ведь это было бы глупостью!

— Подумайте своими головами, для чего мы ловили рыбу? Не для того же, чтоб поджарить ее на шипящей сковороде и съесть? — сказал вожак.

— Ясно, не для того, чтобы на зубах хрустело, — облизнувшись, подтвердил Айдар.

— А раз так, пусть пока плавают в морде, потом видно будет, что с ними делать.

— Если опасаетесь греха, пусть грех будет на моей совести, я ведь ничего не поймал, — великодушно предложил Якуп.

— Здесь нет «твое» и «мое», вместе все делаем, вместе и отвечаем. Все у нас общее, — оборвал Габдулла.

Как бы там ни было, но эта таинственная находка лишила мальчиков покоя. Но наши рыбаки не были такими простачками, которых можно было бы водить за нос.

На третий день они то плавали посреди озера, то нарочно заходили в камыши, для виду удили рыбу... Наконец они вышли на берег, втащили лодку в камыши и сами спрятались в высокой густой осоке, неподалеку от того места, где лежала морда. Эту хитрость они придумали еще вчера.

Во что бы то ни стало надо было раскрыть тайну, терпения у них уже не было.

Долго лежали мальчики, не сводя глаз с озера. Однако нигде ничего даже не шелохнулось. Коричневые головки камыша, ветки деревьев и стебли трав еще не успели проснуться от утреннего сна, а на птиц, которые пели в кустах, мальчики не обращали внимания. Им не было дела до птиц.

Вот, покрывая рябью поверхность озера, пробежал утренний ветер, зашуршали камыши, как бы ворча и упрекая соседей: «Зачем меня разбудили?»

Ветерок пробежал и по листьям деревьев, но весной они бывают нежные и не ссорятся, а ласково приветствуют друг друга. Промчался ветер, и все вокруг притихло. В тишине даже можно было услышать порхание бабочек.

Прошло два, а может, и три часа. У мальчиков не было часов. В детском возрасте время определяют по желудку. Если проголодался, значит, это час завтрака, обеда или ужина. Часы, которые находились в желудках рыбаков, уже давно показывали, что время завтрака прошло и клонится к полудню. В таких случаях терпение имеет свои границы.

— Лежи тут и переливай из пустого в порожнее, — тоскливо вздохнул Якуп.

Но Айдар закрыл ему рот тюбетейкой и погрозил кулаком. Якуп тут же притих.

Неожиданно совсем неподалеку послышался легкий скрип. Этот скрип знаком каждому рыбаку, так скрипят уключины весел... Мальчики насторожились. Послышалось шуршание камыша, плеск воды... Гребец, очевидно, занимался недобрыми делами, он чего-то опасался и действовал очень осторожно. Мальчики поглубже зарылись в камыши. На плоской, как корыто, лодке показался Вазир. Он опасливо озирался по сторонам и, видимо, убедившись, что вокруг нет ни одной живой души, подвел свою лодку ближе к берегу. К корме лодки был привязан мешок, который волочился за ней по воде. В мешке что-то шеве-

лилось и плескалось. Вазир выпрыгнул из лодки и, отвязав мешок, потащил его к тому месту, где лежала морда.

Ага! Так вот в чем тут дело! Вазиру, очевидно, мало тех рыб, которые наловил он сам, он еще хочет утащить чужую рыбу! Вот какой он жадный! Но не выйдет, Вазир! За каждым твоим шагом следят три пары зорких глаз! Только попробуй тронь! Мальчики с трудом сдерживали возмущение. Подумать только, кто-то тайно помогает им, а Вазир хочет обокрасть!

Габдулла и его товарищи с торжеством предвкушали позор и разоблачение вора. «Ну и покажем мы Вазиру!» — думал каждый из ребят. Нужно только выждать, чтобы поймать вора с поличным.

Вазир осторожно открыл крышку морды. Он стоял спиной к мальчикам, и они при всем желании не могли разглядеть, что он делает, зато до них донесся плеск рыбы... Ага! Не перекладывает ли он в свой мешок по одной их рыбу? И не пора ли им уже выскочить из своей засады? Мальчики вопросительно посмотрели на Габдуллу, но тот сделал им знак подождать.

Вор, благополучно завершив свое дело, плотно закрыл крышку и уже хотел было скрыться, как с берега донесся грозный окрик Габдуллы:

— Попался, воришка!

Вазир вздрогнул и оглянулся. Увидев прямо перед собой трех товарищей, он часто-часто заморгал глазами и растерянно улыбнулся. Эта улыбка только усилила злобу мальчиков. Габдулла, расплескивая воду, рывком бросился на него и изо всей силы ударил по щеке, Айдар тоже добавил от себя, но Вазир стоял неподвижно, как пень, и не думал обороняться.

— Ага! Хотел рыбой полакомиться? — яростно обрушился на него вожак. — Тогда на тебе еще одного леща! — И он снова замахнулся на Вазира.

Но в этот момент Вазир нагнулся и вытащил из воды пустой мешок. С мешка быстрыми струйками стекала вода, и внутри него ничто не шевелилось.

— Куда ты дел рыбу? Назло нам выпустил в озеро? — снова подступил к нему Габдулла.

— Я не выпускал. Если не веришь, то посмотри.

Габдулла с Айдаром бросились к морде. С трудом приподняв ее, они в замешательстве взглянули друг на друга: там было полным-полно рыбы, гораздо больше, чем они оставили:

— Где ты взял?

— А у меня есть своя морда, она лежит в рыбном месте, — ответил Вазир.

Якуп, который стоял на берегу, всплеснул руками и даже присвистнул от радости. Между тем отяжелевшая морда вырвалась из рук мальчиков и медленно погрузилась в воду... Внутри нее, весело поблескивая чешуей, заплескалась, заплывала рыба...

Так вот как получилось! Габдулла с Айдаром, словно онемев, взглянули на Вазира. На щеке мальчика красным пятном отпечатался след руки вожака, и в глазах стоял грустный укор. «Эх, вы...» — говорили глаза Вазира, но, увидев растерянность на лицах товарищей, мальчик вдруг присел на корточки и неудержимо расхохотался. Он смеялся так, что голый живот его вздрагивал и по воде разбежались мелкие круги. Увидев эти круги, Айдар тоже затрясся от смеха, за ним последовал и Габдулла.

Стоя по пояс в воде, мальчики долго хохотали, подпрыгивая и толкая друг дружку. В эту минуту всякий посторонний наблюдатель непременно принял бы их за чудаков. Но больше всех радовался и торжествовал Якуп. Ведь до сих пор он всегда чувствовал себя меж двух огней.

— Ура! — кричал он. — Ура! Как чудно получилось!

— И вчера ты положил? — успокоившись, спросил Габдулла.

— Да, — кивнул Вазир.

— И третьего дня?

— Да.

— А зачем? — заинтересовались товарищи, выходя на берег.

— Так просто... Чтобы поскорей наполнилась...

Вазир потрогал свою щеку.

— А все же крепкая у тебя рука, Габдулла! — беззлобно сказал он.

— Ну ладно уж... — смущенно сказал Габдулла, признавая свою вину. — Пусть все это останется здесь, ладно? Ведь ты сам...

— А здорово удачлив Вазир на рыбалке! — поспешно вмешался Якуп, поворачивая разговор в другую сторону. — Вон какие крупные рыбы ловились у него!

— А я всякую мелюзгу сразу отпускал обратно...

Между тем в голове вожака возникла блестящая мысль.

— Сколько бывает опор у «Таганка»?

Догадливый Айдар тут же понял, о чем думает Габдулла.

— Столько, сколько их поставишь. Все зависит от того, кто ставит. Ставь хоть десять подпорок!

На этот раз вожак не объявил приказ, а решил скромно просить совета у товарищей. Габдулле было неприятно, что он так незаслуженно ударил Вазира. Он был очень недоволен собой и не считал себя достойным приказывать. Ведь вожаку следует быть более терпеливым и сдержанным.

— Ребята, — сказал он, — как было бы хорошо, если бы мы снова приняли Вазира в «Таганок». Кто за это, пусть поднимет руку.

Мальчики дружно подняли руки. Тронутый великодушием товарищей, даже сам Вазир поднял руку. Все были очень довольны, но каждый считал неуместным показывать свою радость. Таким образом, перенесший много невзгод «Таганок» снова встал на крепкие ноги. На этот раз он опирался на четыре несгибаемые подпорки.

Мальчики, выжав мокрую одежду, снова облачились в нее. Вазир управился раньше всех, так как вся его одежда состояла из одних штанов.

— А что, у тебя разве нет другой рубашки? — проявил заботу вожак. — Ты и в дождь ходишь без рубашки?

— Есть рубашка. Лежит в сундуке. Я нарочно хожу голый, чтобы закалять тело!

Товарищи Вазира еще не знали, что он таким образом закаляет свое тело, они посмотрели на него с некоторым сомнением.

По дороге домой мальчики размечтались. Уже недалек тот день, когда они оживят озеро на Кирамет! День этот был назначен на послезавтра. Еще до зари, не дожидаясь рассвета, они отправятся в путь-дорогу. А пока две лодки дружно плыли к аулу. На одной просторной, дедушкиной лодке сидели трое, на другой, утлой лодчонке один. Когда обе лодки доплыли до середины озера, послышалась звонкая, мелодичная песня. Это пел Айдар. Он так хорошо поет, что его бабушка, бывало, говорила ему:

— Очень уж ты певучий, внучек, не быть бы тебе несчастным.

Но зачем, отчего Айдару быть несчастным? Ведь если человеку дан такой голос, что песня его ласкает слух людей, успокаивает сердце, утешает в горе, то разве это одно уже не есть великое счастье? Вот и теперь песня Айдара звонко разливается по озерной глади и, рассыпаясь трелью по берегам, отдается глухим эхом в горах... Нет, не только по берегам рассыпается эта песня, она звенит в ушах и проникает в сердца людей.

Где только не побывают,
Чего только не повидают
Храбрый джигит и его верный конь...

СХВАТКА С БЫКОМ

На окраине аула показалось стадо. Впереди всех чинно шествует однорогая пестрая коза бабушки Ямлегуль. Она вожак в стаде аула Беркутного. Даже самые дерзкие ягнята не смеют обогнать ее в поле. Только тогда, когда стадо входит в аул, пестрая коза, отойдя немного в сторону, уступает дорогу другим. Овцы только и ждут этого, они с блеянием бегут вперед.

— Стадо идет! Стадо идет! — раздается в этот час звонкий клич мальчишек.

Клич этот прокатывается по всей улице от двора ко двору, и из каждого дома выходит кто-нибудь к воротам встречать стадо. Если те, у кого нет ребят, не успели еще

вернуться с работы, то скотину их встречают дети соседа. Так уж испокон веков заведено у нас в Беркутном.

И взрослые, и дети на разные голоса зовут свою скотину:

— Барь-барь!

— Коз-коз!

Габдулла тоже сегодня вышел встречать стадо. Бабушки не было дома. Перед этим к Габдулле заходил Якуп. Он показал вожаку рогатку — подарок Вазира. До этого Якуп все время опасался, что товарищи узнают про его общение с Вазиром. Теперь же он был счастлив. Ведь они теперь все друзья, ему больше не надо ничего скрывать, и он с гордостью вытащил свою рогатку. Габдулла не упрекнул его. Наоборот, когда Якуп показал, как он научился стрелять, вожак счел возможным даже похвалить его. И встречать стадо сегодня они вышли вдвоем.

Завернув во двор Габдуллы корову и двух его овец, мальчики не ушли домой. В Беркутном никто не уходит сразу домой. Встретив свою скотину, каждый остается у ворот, чтобы проводить и остальное стадо, а может, и помочь кому-нибудь из соседей, если понадобится, загнать заупрямившуюся корову или овцу. Это вечернее шумное время, с призывным мычанием и блеянием, напоминает какой-то маленький праздник. За стадом, как бы сопровождаемая его и отставая шагов на сто даже от самых ленивых коров, идет бледно-бурый с красными, словно налитыми кровью, глазами бык с нижней улицы. Про этого быка говорят, что он очень бодливый, и хотя на вид он не такой уж большой и страшный, но, завидев его, ребята мгновенно разбегаются. Кто прячется за калитку, а кто забирается на забор. Вот и сейчас, едва бык показался, Габдулла с Якупом, не столько из боязни, а скорее просто по привычке, уселась верхом на изгороди. На всякий случай Якуп вынул из кармана рогатку и зарядил ее гладким камушком: ведь чем черт не шутит, может, и пригодиться.

И тут случилось неожиданное.

Когда бык проходил мимо ворот Габдуллы, из соседского палисадника выбежала Гульнур. Она как раз возвра-

щалась от портнихи в своем новеньком красном платье и от радости была на седьмом небе. Она поворачивалась то налево, то направо, разглаживала пышные оборки, любовалась красивыми пуговками и, ничего не замечая вокруг, нежно щебетала:

— Ах, Гульнур! Какое красивое у тебя платье, пусть твоя обновка будет тебе на радость. Пусть оно никогда не износится и всегда будет таким красивым...

А платье Гульнур было действительно на загляденье, и бурый бык, важно следовавший посередине улицы, не мог, конечно, пройти мимо, не обратив внимания на это красное платье. Он словно остолбенел от удивления, и выпученные глаза его еще больше налились кровью. А красное платье кружилось и дразнило его, раздувая, как огонь, пышные оборки. Бык низко нагнул тяжелую рогатую голову и стал медленно приближаться к Гульнур.

— Гульнур, беги! — тревожно крикнул Габдулла.

Девочка вздрогнула и подняла голову, но на всем белом свете для нее ничего не существовало, кроме ее красивого платья, и она не сразу увидела опасность. А между тем бык уже перепрыгнул через неглубокую канаву и, еще ниже наклонив голову, с ревом бросился на Гульнур. Раздался отчаянный детский крик, красное платье заметалось из стороны в сторону, вот-вот острые, словно выточенные из железа рога взметнут его наверх и с силой бросят на землю, под тяжелые копыта.

— Мама! Мамочка!

Габдулла камнем слетел с изгороди и, схватив девочку под самой мордой быка, перебросил ее через ограду на грядки. В то же мгновение разъяренный бык бросился на Габдулла. Мальчик не успел увернуться и, зажатый между рогами, взлетел наверх и тяжело шлепнулся на большой острый камень. Бык отступил назад и, роя копытами землю, с еще большей яростью бросился на свою жертву, но в этот момент выпущенный из рогатки Якупа камень больно ударил его в глаз. От бешенства и боли бык замотал головой и закружился на одном месте, а потом пустился по улице.

Все это случилось в какое-то короткое мгновение. Отовсюду сбежались люди.

Габдулла лежал свернувшись, белое лицо его казалось неживым; стараясь не стонать, он крепко прикусил губами полу рубашки. Отогнав быка, люди в тревоге окружили мальчика. Кто-то хотел его поднять, но он вскрикнул от боли:

— Рука... рука!.. — С края его губы, оставляя тоненький след, на подбородок бежала кровь.

Увидев это, Гульнур испуганно взвизгнула.

— Не визжи, — строго остановил ее подошедшей Айдар.

Собравшиеся люди участливо обсуждали событие, каждый старался высказать свое сочувствие, дать совет — одни проклинали быка, другие ругали его хозяина.

— Каков хозяин, такова и его скотина.

— А хозяин этого быка сам хуже змея.

— Молодец, Габдулла, вот это джигит, спас девочку!

— Ни за что ни про что сгубил мальчишку...

— Да что зря языком молоть, надо что-то делать!

— Тут только один выход — поскорей в больницу отправить!

— А на чем отправить, когда сейчас ни одной машины в ауле нет?

— Иди, Яумбаев, запряги скорее лошадь!

Якуп и Айдар молча смотрели на своего жоака. По лицу Якупа безостановочно текли слезы. Айдар крепился. Вазир, беспечно пробежавший по улице, сунул свой нос в толпу и, увидев распростертого на земле Габдуллу, тихонько ахнул.

— Что же вы стоите все? Его в больницу надо! — вне себя закричал он на присутствующих и, растолкав толпу, выбежал на улицу. — Лошадь надо! Машину надо! Я сейчас все найду!

Но Шарифулла уже опередил его и, остановив проезжающий по улице тарантас, подвел к толпе пожилого возницу.

— Вот мальчика искалечил бык.

— Бык... бык... забодал.

— В больницу бы надо, — наперебой заговорили вокруг.

— Мальчик у своих ворот стоял, а тут девочка в красном платье... Бык как бросится на нее...

Но проезжающий не стал слушать подробности.

— Отнесите мальчика в тарантас, — распорядился он.

Толпа раздвинулась, засуетилась. Чьи-то заботливые руки устелили дно телеги мягким сеном. Шарифулла бережно поднял мальчика на руки и уложил его в телегу. Габдулла изо всех сил сдерживался, чтоб не стонать. Схватив подол рубашки, он засунул его в рот, но черные тени под глазами и бескровное лицо яснее жалобного стога говорили о его страданиях...

Товарищи, протиснувшись к самой телеге, с испугом и надеждой смотрели на своего жоака, готовые по первому его зову броситься к нему на помощь, принять на себя его страдания.

— Ну, время трогать. Кто поедет с мальчиком? — спросил возница.

— Мы... мы поедем! Это наш товарищ! — жалобно запросились мальчики.

Но Шарифулла уже сел на козлы рядом с возницей.

— Бабушки его нет дома... А без меня, пожалуй, толку не будет! Поехали! — сказал он.

Телега тихонько двинулась вдоль села. Ехать было далеко, за двадцать пять километров, в аул Култабан. Телега осторожно объехала дальний берег озера и скрылась из глаз. Народ начал расходиться. И только трое товарищей все еще стояли и смотрели на дальнюю дорогу, ведущую через горы к аулу Култабан. Им было страшно и непонятно, что Габдулла, который еще так недавно бегал и прыгал на своих ногах, отдавая звонким голосом приказы, ходил вместе с ними к озеру, — этот Габдулла лежит теперь, как мешок с овсом, на дне телеги, и сам Шарифулла везет его в какую-то далекую больницу. Мальчики стояли у ворот дома Габдуллы и долго смотрели на дорогу, которая затерялась в горах.

Они напоминали воробышков, у которых кошка унесла мать.

ПИСЬМО

Габдуллу увезли, и ребята перестали ходить на рыбалку, но каждый день они навещали своих рыб и носили им корм.

Дни шли. В ауле все было по-прежнему, если не считать того, что бурого быка хозяин зарезал на мясо. Сам хозяин, конечно, не зарезал бы, да народ поднял шум:

— Если не зарежешь, то мы потребуем отобрать у тебя быка, а тебя отдадим под суд!

Случилось за это время и еще одно примечательное событие: Айдар выполнил обещание, данное сестренке Гульнур. Обнаружив на чердаке фермы воробьиное гнездо, он достал двух воробышков, которых Гульнур легко приняла за жаворонков. Но пока брат мастерил для птенцов клетку, девочка уже выпустила их на волю.

У Вазира тоже была новость, или, вернее, обнова: мать сшила ему желтую сатиновую рубашку, но он все равно не надевал ее, собираясь надеть только на сабантуй. Старые синяки и шишки Якупа заживали, а новые прибавлялись — он все еще старательно изживал свою «примерность», пожалуй, в самом ауле да и в окружности его не осталось ни одного дерева, на которое не лазил бы Якуп, ни одной скалы, куда бы он ни поднимался. Ни одной ямы или канавы, которые он не перепрыгивал бы. Ко всему этому постепенно привыкала даже его мать.

Весть о несчастном случае с Габдуллой дошла до летнего пастбища, где работала его мать. На другой же день, плача и терзаясь за сына, она примчалась в аул и тут же, не распрягая коня, поскакала в Култабан. В ауле ее даже никто не видел, кроме старой бабушки, которая уже выплакала глаза от горя. В больнице, увидев, что сын жив, мать немного успокоилась. У Габдуллы были сломаны два ребра и левая рука.

— Молодые кости быстро срастаются, — сказал доктор и тут же похвалил Габдуллу: — Терпеливый, выносливый мальчик ваш сын, вырастет — будет настоящим джигитом.

Мать вытерла слезы и с гордостью подумала: «Вылитый отец! Смелый, отважный... Ведь вот, не задумываясь, бросился на быка и спас девочку».

Мужество сына передалось и его матери; прощаясь с Габдуллой, она уже не плакала, а рассказывая о нем на пастбище своим товарищам, с гордостью добавляла:

— В отца пошел мой мальчик...

В ауле имя Габдуллы в эти дни повторялось и взрослыми, и детьми. Мать Гульнур, переходя из дома в дом, со слезами говорила:

— На веки веков мы должники перед этим ребенком, не быть бы живой моей дочке, если б не Габдулла.

Откладывая яйца и масло, она мечтала угостить мальчика, как только он вернется, самыми лакомыми гостинцами.

Бабушка Нагима, привыкшая все трудности и невзгоды переносить молча, крепилась и не показывала свое горе на людях, но, оставаясь одна, горько плакала и терзалась:

— Увезли Габдуллу. А как он там мучается, бедняжка! Не лишиться бы мне единственного внука, единственной радости моей.

Но как бы ни терзалась и плакала бабушка Нагима, она все-таки не позабыла, как обычно, в четверг почистить медаль своего сына Мухаммеда.

Спустя десять дней бабушке пришло письмо от Габдуллы, и хотя сама она не умела читать, но все же не утерпела, осторожно вскрыла конверт и, вынув письмо, долго разглядывала на свету неровный почерк внука. И только после этого пригласила для чтения письма трех друзей Габдуллы. Среди них лучшим чтецом считался Якуп. Слушатели чинно и тихо уселись на нарах. Якуп решил прочесть письмо стоя и, кашлянув для важности, начал торжественным голосом:

Шлю привет, вышли ответ.

Дорогая и многоуважаемая бабушка! Ты спросишь, отчего я до сих пор не написал тебе? Отвечаю. Оказалось, что у меня сломаны два ребра и левая рука. Вдобавок к этому три дня я лежал и харкал кровью — наверное, все

мои печенки и селезенки сдвинулись с места и подскочили к горлу. Теперь они уже обратно встали на свои места. Меня положили на кровать и не давали подниматься даже при нужде. От стыда я не знал, куда деваться. На мою левую руку наложили белую глину, которая сразу застыла. Пробовал поднять руку, она очень тяжелая. Сейчас рука уже не болит, но очень сильно зудит под глиной. А когда дышу, то колет под левым ребром. Хотя и колет, но мне не так трудно, как было раньше. Я стараюсь дышать осторожно.

Рубашку и брюки с меня сняли, а дали большие белые штаны и белую рубашку. Сестра подвязала мне эти штаны длинной узкой марлей, которой завязывают раны. Здесь в больнице очень жарко, окна завешены марлей, чтоб не влетали мухи, но мухи все равно влетают. После еды здесь дают сладкую воду с разными ягодами — называется компот. Оказывается, компот этот очень вкусный».

Читая эти последние слова, Якуп невольно даже причмокнул губами.

Доктора здесь, бабушка, очень хорошие. Самый главный доктор, входя в палату, всегда улыбается, разговаривает со мной ласково и весело спрашивает меня:

— Ну, как дела, батыр?

Волосы мои постригли машинкой. От этой машинки ни капельки не было больно, а вот когда брил мою голову Аллабирде, то у меня из глаз искры всегда сыпались.

В одной комнате нас трое. У дяди, который лежит у окна, кишки прилипли к кишкам, потому что он по ошибке вместо водки выпил жидкий клей, которым бумагу клеят. Но сейчас ему все уже отмыли. А другого дядю, который

лежит рядом с радиоприемником, придавило деревом в лесу, он прикусил себе язык и теперь не может говорить.

Мне здесь уже надоело. Я боюсь, что без своей деревни заскучаю и заболею. Если б мне выдали мою рубашку и брюки, то я сегодня же убежал бы домой.

Бабушка! Это письмо тебе, наверное, прочтет Айдар или Якуп. Кто бы ни читал мое письмо, ты скажи, чтобы почаще навещали наших рыб и пусть носят им прикорм, а то они с голоду подохнут. Я позабыл спросить у мамы, как Гульнур? Целы ли ее руки и ноги?

Бабушка! Я припас для тебя небольшой го-стинец: одиннадцать штук печенья, восемь конфет и десять кусков сахару. Не подумай, пожалуйста, что я оторвал от себя, это то, что осталось лишнее.

В конце моего письма прошу: передай родственникам и друзьям от меня привет. Привет тебе самой и маме, а еще Вазиру, Айдару и Якупу особые приветы. Теперь уже за меня, бабушка, не беспокойся. Доктор сказал: «Ба-тыр не бывает без ран».

На том свое письмо кончаю. Получатель бабушка, отправитель Габдулла. 9 июля 1950 года.

Прослушав письмо, бабушка Нагима протянула Якупу пустой конверт.

— Глянь-ка, сынок, кажись, что-то написано на обратной стороне этой бумажки?

На обратной стороне конверта были написаны такие слова:

Этот конверт дал мне тот дядя, который выпил клей. Марка была уже прямо на конверте.

Бабушка Нагима, слушая письмо, вспоминала всю двенадцатилетнюю жизнь внука. Еще, кажется, совсем недав-

но она думала, когда он будет стоять на ногах, когда делает свои первые шаги, потом ждала, когда же он начнет говорить, потом, когда пойдет в школу... И вот теперь из такой дали, из аула Култабан, внук написал ей такое складное письмо.

Это было первое письмо, написанное самим Габдуллой.

ОТВЕТ

С ответом решили не мешкать. Первым делом бабушка Нагима вручила Айдару деньги и отправила его к почтальону за конвертом и маркой. Из незаконченной тетради Габдуллы вырвали чистую страницу, но в доме не нашлось ни ручки, ни чернил. Вожак был не из бережливых людей. Якупу пришлось сбегать домой за карандашом.

Самый красивый почерк считался у Вазира, поэтому письмо писал он. Конечно, Вазир не сочинял это письмо из своей головы, а писал то, что в строгом порядке диктовала ему бабушка Нагима.

— «Достопочтенный, дорогой мой внук Габдулла...» Написал? — спросила бабушка.

Вазир почесал затылок.

— Написать-то написал, только как быть со словом «достопочтенный»? Два «н» писать или достаточно одного?

— Пиши столько, сколько надо. Пусть лучше будет лишнее, чем нехватка. Пиши два!

— А что означает слово «достопочтенный»?

— Я и сама точно не знаю, сынок, но письмо без этого слова начинать нельзя, нескладно получится. Да ты не очень-то допытывайся, пиши то, что говорят. Давай начнем с самого начала!

Достопочтенный, дорогой мой внук Габдулла!

Прежде чем сказать тебе свои заветные слова, шлет тебе поклон и нежные приветы твоя бабушка, которая, не сводя глаз со сто-

роны Култабана, где ты лежишь в больнице, с нетерпением ждет твоего скорейшего возвращения. Еще привет от матери твоей, которая сейчас работает дояркой на летнем пастбище на берегу Урала, и ее днем и ночью беспокоят мысли только о тебе. Да еще привет-поклон от бабушки Ямлегуль, которая была повивальной бабкой и твоего отца, а также твоей матери, которая и поныне пользуется почетом и уважением у себя дома и во всем ауле. Привет тебе от всей семьи дедушки Аллаберды, товарища твоего дедушки по охоте. Привет-поклон от самого Шарифуллы, который, не жалея своего золотого времени, не посчитал за труд хлопоты о тебе и, своей сединой оказывая почет, отвез тебя в больницу и из рук в руки передал доктору. Привет и поклон тебе от самого лучшего друга твоего отца хромого Сахингарея, который в настоящее время в правлении колхоза считает на счетах. Привет также от всех соседней наших, от которых зависит мир и благополучие нашей семьи. На этом все приветы-поклоны заканчиваю.

— А от нас? — спросил Якуп.

Бабушка Нагима, поняв свою оплошность, поспешила тут же исправить ее:

— Припиши там, до слова «заканчиваю», — сказала она, — «большой привет-поклон от твоих ровесников Вазира, Якупа, Айдара, с которыми ты вместе рос, играя и радуясь. На этом конец приветам...»

«Внучек мой Габдулла! Твое письмо, которое дороже золота и краше шелка, дошло до нас в полдень двенадцатого июля в 1950 году и было прочитано несколько раз от первой до последней строчки. Читали мы его вместе с твоими товарищами Айдаром, Якупом и Ва-

зиром. Оказывается, недаром болело сердце мое, чувствуя, как болят твои драгоценные косточки. Ну, что же делать, пусть только кончится все благополучно. Сколько людей избавил ты от тяжелого горя, спасая жизнь одного безвинного ребенка! Если бы проклятый бык на твоих глазах убил бы ребенка, всю жизнь сердце твое не знало бы покоя, ты обвинил бы себя в трусости и недостатке мужества, и душа твоя изнывала бы от горя. А страдания души гораздо страшнее страданий тела, ибо болезнь тела проходит, а угрызения совести и боль души остаются навсегда. А теперь ты спокойно лежи и слушайся своих докторов. А как выздоровеешь, так сразу сообщи нам по телефонному проводу. Сам председатель колхоза сказал, что пошлет за тобой такого резвого коня, который похож на рысаков, возивших в старое время только губернаторов.

Пишешь ты, что рука чешется, может быть, надо попарить ее березовым веником. Скажи своему доктору, пусть прикажет натопить баню, только чтоб пар не был слишком жарким. Спасибо за припасенные гостиницы, слова твои были для меня дороже всяких гостинцев. А когда тебе станет очень скучно, ты скушай эти гостиницы сам, считая, что тебе прислала их бабушка. Хотела послать тебе горшочек со сливками и десяток яиц, но председатель Даулет отговорил, сказал, что в больнице еды дают вдоволь.

Пусть станет тебе известно, что хозяйство наше, скотина и птица в целостности и сохранности. Куры несут яйца, а пестрая курица вывела двенадцать цыплят. Корова тоже прибавила молока. На днях мы с бабушкой Ямлегуль решили немного развеяться и пройти по полям: на полях растет густой, хороший хлеб. Все мирно и благополучно, только вот

сгорела баня Амирхана с нижней улицы. Ждем тебя, возвращайся скорей живым и здоровым. Все думала и решила я, что, когда ты вернешься, дам тебе отцовскую медаль на целый день, будешь носить ее на груди. Ведь ты, внучек, совершил такое дело, что с полным правом можешь носить не только один день отцовскую медаль.

Ты спрашиваешь о Гульнур. Она жива и здорова. Окончив свое короткое, с птичий язык, письмо, желаю тебе светлых дорог в жизни и с приветом остаюсь твоя бабушка».

Тут бабушка Нагима, облегченно вздохнув, кивнула Вазиру:

— Складывай письмо.

— Как? А о рыбах? — всполошились мальчики.

— А что же это за рыбы? Я еще давеча хотела спросить, да забыла.

Мальчики переглянулись.

— А это тайна, бабушка.

— А раз тайна, так уж вы сами от своего ума и добавляйте! Ведь вашим тайнам да секретам конца не будет!

Мальчики подмигнули Вазиру, и тот сделал короткую приписку:

Габдулла, не беспокойся о рыбе. Она в целости и сохранности. Возвращайся скорей.

Диктовала это письмо твоя бабушка, а писал Вазир.

На конверте Вазир красивыми печатными буквами надписал адрес и даже подчеркнул слова: «Получить Габдулле Юламанову».

— Дайте, бабушка, я быстренько сбегаю и опущу письмо в почтовый ящик, — предложил Якуп.

— Спасибо, дети мои, я и сама по дороге опущу. Мне все равно нужно сходить в ту сторону, — сказала бабушка Нагима и, взяв из корзинки, которая стояла за печкой, шесть яиц, дала каждому по два яйца.

Мальчики не хотели брать, но не посмели, так как нельзя ставить себя выше угощения; в Беркутном нарушение этого обычая считают как неуместное высокомерие.

— Ты бы, Якуп, зашел немного погодя и прочитал бы для меня еще раз письмо Габдуллы, — сказала бабушка Нагима, провожая мальчиков.

Когда же мальчики ушли, она вынула из сундука свое длинное пестрое платье и зеленый бархатный камзол. Облачившись в этот праздничный наряд, она и голову покрыла новым кашемировым платком. Бабушке Нагиме некуда было идти. Ей хотелось отправить письмо внуку своими руками. Для такого важного, радостного дела она и одела свой праздничный наряд.

Дойдя до клуба, бабушка Нагима увидела налево от дверей почтовый ящик. Но какие же нерадивые эти люди с почты! Ящик был покрыт густой пылью. Сначала бабушка попробовала сдуть эту пыль, но, увидев, что это не получается, вынула из кармана камзола носовой платок и не спеша, тщательно обтерла весь ящик. Только после этого, открыв узенькую щель, она опустила в нее свое драгоценное письмо.

Дело было сделано, но уходить бабушке Нагиме не хотелось. Постояла она еще, глядя на ящик, теплыми старческими руками погладила его, а потом тихо шепнула:

— Пусть крылья птиц будут спутниками моему письму!

ДОРОГА

Если хорошенько поразмыслить, всегда можно найти решение любого вопроса. Однажды вечером, когда мальчики пасли своих коров и, как все последнее время, думали и говорили о Габдулле, им всем вдруг пришла в голову блестящая мысль — не ждать, пока Габдулла выпишется из больницы, а завтра же отправиться к нему самим! А то, что это получается? Вожак «Таганка» лежит в больнице, а они как ни в чем не бывало разгуливают тут, бегают и играют! Какая же это дружба! Конечно, они должны немедленно пойти к Габдулле! И как такая простая мысль не пришла

в их головы раньше? Вернувшись домой, все три мальчика заявили своим матерям, что завтра с рассветом они отправятся в дорогу.

Услышав имя Габдуллы, никто из матерей возражать не стал. Тетя Гульемеш согласилась отпустить сына без особых раздумий, а мать Айдара даже обрадовалась.

— Давно бы надо, а то ходите тут без толку, — сказала она и из скудных запасов своей семьи отложила для Габдуллы яиц и масла.

Мать Якупа положила баночку меда и несколько лепешек. Курбанбика достала большой кусок пастилы, приготовленный из черной смородины.

— Пусть пьет с чаем, смородина смягчает боль в костях, — сказала она.

Айдар, временно принявший на себя обязанности вожака, уже с вечера дал своим товарищам разные приказания. Якупу, который по части одежды считался наиболее обеспеченным, он велел надеть двое штанов и две рубашки.

— Жарко будет, — попробовал возразить тот.

— Ладно, жар костей не ломит.

— Да зачем мне двое штанов и две рубашки? — допытывался Якуп.

— А может, пригодятся, — кратко ответил Айдар.

На сей раз и Вазиру пришлось надеть свою желтую сатиновую рубашку. Неприлично же идти так далеко, в чужой аул, без рубашки. В каждом деле надо знать меру.

Когда первые лучи солнца пробились из-за горизонта, три мальчика с узелками в руках были уже в пути. Вначале они шагали довольно бодро, а вниз по склонам гор даже бежали наперегонки. Но чем выше поднималось солнце, тем медленнее становились шаги наших путников. Наконец возле студеного горного ручья они остановились, попили воды. Но вода не помогла, так как они очень проголодались.

— Давайте, ребята, подкрепимся, — предложил Вазир.

Никто не стал возражать против этого своевременного предложения.

Мальчики уселись на берегу ручья и начали с аппетитом «подкрепляться», но никто и не заметил, как в один присест был уничтожен весь дневной запас пропитания.

— Ничего, — сказал Айдар. — Пусть дневной запас пищи теперь хранится в наших желудках!

Напившись еще раз воды, мальчики снова тронулись в путь. Дорога была пустынной, ни машины, ни лошади не обгоняли наших путешественников, пройдя через горы и лес, они вышли на шоссе, убегающее в степь. Вазир, который в прошлом году дважды ездил с отцом на Култабанский базар, хорошо помнил дорогу. Когда мальчики прошли уже половину пути, их нагнала первая грузовая машина с прицепом, на котором лежали длинные бревна, крепко стянутые цепями.

Все трое сразу подняли руки. Машина остановилась. Шофер, молодой парень, распахнул дверцу кабины.

— Куда держите путь, джигиты?

— На Култабан, — хором ответили мальчики.

— А чего вам нужно в Култабанае?

— Наш товарищ лежит там в больнице. Бык его забодал. Идем навестить. Подвезите нас, агай!

— Груз очень тяжелый, — пошутил шофер. — Хорошо, если машина потянет!

— Да потянет. Дорога ровная, а мы совсем легонькие, — уверил его Якуп.

— Что же делать, если уж вы такие легонькие, то садитесь! Только в кабину больше двоих не поместится, одному из вас придется лезть наверх!

— Мы все сядем наверх, агай!

— Ваше дело. Только смотрите там, не балуйтесь, а то вылетите! Беда окажется тяжелее вас самих! — строго сказал шофер.

Мальчики в один миг забрались в кузов машины. Усталые, пыльные лица их порозовели, настроение сразу поднялось. Степная дорога была ровной и мягкой, машина, словно баюкая, тихо покачивалась на ходу. С обеих сторон поднимались густые хлеба. Мягкий ветер играл молодыми колосьями. А там, вдали, синяя, виднелись горы. И Беркутный, скрывшись из глаз, затерялся среди гор, на склонах

которых поднимаются высокие столбы дыма. Это пастухи на летнем пастбище жгут костры. А над всем этим самой высокой вершиной среди всех горных вершин возвышается сверкающий белизной Кирамет! Ведь недаром же в наших краях Кирамет называют царем гор!

Ребята с интересом смотрели на новые незнакомые им места. Айдар от полноты сердца запел свою любимую песню:

Если ноги, устав, не послушаются меня,
Хоть ползком в родные края вернусь я...

Песня заставляет забывать обо всем на свете. Вот и теперь Айдар забыл, что в руках у него узелок, что если размахивать этим узелком в такт песне, то недолго и стукнуть его обо что-нибудь твердое в кузове машины. А через белую тряпицу давно уже просачиваются яичные желтки... Видно, яйца, предназначенные для угощения Габдуллы, оказались очень хрупкими. Но ни Айдар, ни его товарищи даже не заметили этого, а солнце и ветер быстро высушили желтые пятна, оставив это маленькое происшествие в полной тайне. Неподалеку от Култабана шофер остановил машину.

— Я еду прямо, не заезжая в аул. Не обессудьте, ребята, чуть-чуть не довез! — сказал он, высунувшись из кабины, и, улыбнувшись, добавил: — Спасибо за песню. Я даже не заметил, как доехали. Кто же это из вас так хорошо поет?

— Вот он, — с гордостью ответил Якуп, ткнув пальцем в Айдара.

— Молодец, парень! — похвалил шофер.

Мальчики прыгнули с машины.

— Спасибо, агай!

— Спасибо вам! — наперебой начали благодарить они шофера.

Айдар, расчувствовавшись, хотел дать ему на дорогу пару яиц из Габдуллиного узелка, но постеснялся. «Вдруг не возьмет, тогда стыдно будет», — подумал он и, спрятав за спину свой узелок, снова повторил:

— Спасибо, агай!

— Не стоит благодарности. Мне самому веселей было ехать. Прощайте, ребята! Идите прямо-прямо по главной улице, больница на том конце аула, — сказал шофер и, кивнув ребятам, поехал дальше.

До больницы было недалеко. Дойдя до середины аула, мальчики остановились у ручья, стряхнули с одежды пыль, хорошенько умылись — ведь и то сказать, не на скотный двор они идут, а в больницу. В каждом деле есть свой порядок.

Больница помещалась в деревянном доме с широким крыльцом. На крыльце сидела пожилая женщина в белом халате и, держа на коленях клубок шерстяных ниток, вязала шаль. Подальше во дворе виднелся еще один деревянный дом, около него на скамье молодая женщина кормила грудью ребенка, под ветвистой сосной на траве сидели двое мужчин. Во дворе на веревке, протянутой от столба к столбу, висело постиранное белье. Женщина, сидящая на крыльце, не отрываясь от своего вязанья, изредка бросала взгляд на белье. Видимо, сторожила его от коз, которые паслись рядом. Козы очень любят пожевать белье.

— Агай! — вежливо обратился Вазир к пожилой женщине. — Мы пришли навестить нашего товарища. Его зовут Габдулла Юламанов.

— Юламанов пошел на поправку. Он лежит один в четвертой палате. Только сейчас туда нельзя — у больных в это время тихий час. После отдыха сам выйдет к вам. У нас такой порядок.

Этот порядок не очень-то обрадовал ребят. Разве для того они проделали такую дорогу, чтобы сидеть здесь и ждать, пока у больных кончится тихий час!

— Дорогая агай, пустите нас, — начал упрашивать Якуп, — мы тихо, тихо пройдем в палату, на цыпочках!

— И на цыпочках нельзя, и на пятках нельзя! Ступайте, ступайте! Потом придете, — решительно сказала женщина.

— Мы же издалека приехали, агай... Мы из аула Беркутного!

— А какая разница, из Беркутного вы или из Вороньего? Раз нельзя, так нельзя!

Мальчики вышли со двора и улеглись в тени большой березы.

— Да, неважные дела! Даром день пропадет, — сказал Айдар.

— Неудачной оказалась наша дорога! — вздохнул Якуп.

— Если лежать да охать, так ни в чем удачи не будет. Надо что-нибудь придумать, — отозвался Вазир.

Мальчики придвинулись поближе друг к другу, заговорщически перешептываясь, о чем-то договорились и снова пошли на больничный двор. Женщина по-прежнему сидела на крыльце и торопливо вязала свою шаль.

— Уж очень медленно тянется время, — потягиваясь, сказал Вазир. — Не привыкли мы сидеть без дела... Не найдется ли у вас тут, апай, какая-нибудь работенка? Чем зевать, мы бы лучше что-нибудь сделали.

— Тому, кто работы не боится, ее всегда вдоволь, — не поднимая глаз от вязанья, ответила женщина.

— А вы только скажите, что делать, уж мы как возьмемся втроем, так мигом.

— Ну что ж, — неожиданно смягчилась женщина. — Если вам не лень, так вон выстиранное белье совсем пересыхает, а я со своим вязаньем тороплюсь. Если б вы белье сняли да занесли в сарай, сказала бы вам спасибо... — Женщина улыбнулась. — Знаете поговорку? Одно спасибо от тысячи бед спасает! Вот и поработайте, коль в охотку. Только не уроните белье, не испачкайте!

— Мы, апай, осторожненько...

Мальчики тут же взялись за дело. Желая угодить строгой тете, они очень осторожно и аккуратно снимали с веревки белье и переносили его в сарай.

«Бывают же хорошие дети, — глядя на них, думала женщина. — Мой-то сын не делает и того, что ему полагается, упрямится, а эти сами к работе рвутся».

— Вот спасибо вам! Вот какие вы старательные мальчики! — громко похвалила она их, когда веревка опустела. — Вот спасибо, ребята!

— Ваше спасибо мы уже слышали, апай, только пусть оно нас еще от одной беды спасет! Нам все же надо пройти к товарищу! — сказал Айдар.

— Ах вы, хитрецы этакие! А мне и невдомек! — засмеялась женщина. — Ну, что с вами делать? Если увидит врач, попадет нам всем!

— Попадет, не попадет, а мы, апай, этого не боимся!

— Нет, нельзя. Всех троих я никак не могу пустить...

— Да вы пустите только двоих. Вот этот, — Айдар потянул за рукав Вазира, — постоит во дворе.

— Ну ладно. Только смотрите, чтоб вас не слышно было! — Женщина оглянулась и шепотом добавила: — Четвертая палата, как войдете, направо вторая дверь...

Айдар с Якупом на цыпочках прошли в дверь и, стараясь не шуметь, осторожно прикрыли ее за собой.

Вазир присел на крыльцо рядом с тетей-вязальщицей.

— Для кого же это вы вяжете такую красивую шаль? — лукаво спросил он.

— Да вот дочка моя просила, у самой времени нет: с телятами она возится, целый день занята, — охотно пояснила женщина.

— А моя мать работает на куриной ферме, — старательно поддерживал разговор Вазир.

— Что ж, куры-то ее несутся?

— Еще как! Одна другую перегоняет! Так и катят, даже не успеваем собирать! — хвастал Вазир.

— Ишь ты! — удивилась женщина.

Она оказалась очень разговорчивой, и, по мере того как беседа все более оживлялась, женщина совсем разоткровенничалась и начала перечислять все, что она когда-либо в своей жизни делала: и вязала шали, и складывала печи, и шила платья, и катала валенки, и в театре играла, а когда была молодая, так на сабантуе наравне с джигитами участвовала в состязаниях как наездница... И такой отчаянной, бедовой девушкой она была! Вазир только удивлялся да задавал вопросы, изо всех сил поддерживая интересную беседу.

НЕОЖИДАННЫЕ ГОСТИ

Когда Якуп и Айдар вошли в палату, Габдулла лежал на своей кровати и от нечего делать считал на потолке мух. Увидев товарищей, он вздрогнул от неожиданности и протер глаза. Те тоже немного растерялись и как вошли, так и застыли у дверей точно вкопанные.

— Пришли, что ли? — спросил Габдулла, не найдя других слов.

— Пришли. А ты уже выздоровел?

— Выздоровел.

— И рука не болит?

— Уже нет.

Мальчики по очереди поздоровались с больным.

— Здравствуй, Габдулла!

— Здравствуйте.

— А почему Вазир не пришел? — пожимая им руки, спросил Габдулла.

— Пришел, но его не впустили. Остался во дворе.

— Мы тебе привезли гостинцы. Пастила от Вазира, — передавая Габдулле узелок, сказал Айдар.

— За гостинцы спасибо, да никакая еда не идет в горло. Хочется домой. Здорова ли моя бабушка? А как рыбы? Живы ли они?

— Еще как живы! Плещутся вовсю! Когда тебя отпустят?

— Говорят, еще через десять дней. Через неделю снимут глину.

— Ого-го!

— Если были б штаны, давно удрал бы через окно. Только вот штанов не дают, — с сожалением сказал Габдулла и подошел к окну. Окно выходило в сторону леса и было завешено марлей. — Ни одна собака не заметила бы... Снять эту марлю — и поминай как звали!

— Одежды-то у нас хватит, — живо сказал Айдар. — На Якупе все двойное.

Мальчики не стали тратить попусту слова: сняли с Габдуллы больничное белье и помогли ему натянуть штаны.

Рубашка Якупа оказалась узковатой, рука в гипсе никак не влезала в рукав, но мальчики не растерялись — Якуп с треском разорвал рукав от плеча до манжеты.

— Когда придем домой, мать зашьет, — сказал он.

Лакомства Габдуллы, собранные им для бабушки, затолкали в узелок с гостинцами. Айдар осторожно снял с окна марлю. Когда уже совсем приготовились выпрыгнуть, Габдулла остановил товарищей:

— Уйти, даже не попрощавшись, нехорошо.

Вынув из ящика тумбочки карандаш и бумагу, он написал маленькую записочку:

«Дорогой дядя доктор! Большое-большое вам спасибо. Я уже совсем выздоровел. Теперь ухажу домой в свой аул. Ребята принесли мне одежду. Через неделю, когда нужно будет снимать глину, приеду сам. Не сердитесь, пожалуйста.»

Габдулла Юламанов».

Окно было невысоко над землей. Первым выпрыгнул Айдар. Потом осторожно спустился Габдулла. Айдар, обняв его обеими руками, помог стать на землю. Последним прыгнул Якуп. Упав, он ударился коленкой о твердый корень сосны. Это было очень больно, но Якуп даже не охнул.

Оглядевшись вокруг, мальчики побежали в лес. Скрывшись подальше от людских глаз, они остановились, и Айдар, подражая пению птицы, протяжно свистнул. Для чутких ушей Вазира этот свист прозвучал как самая красивая музыка. Но, тем не менее, он не сразу сорвался с места на сигнал товарищей.

— Схожу-ка я вот за тот кустик, — спокойно сказал он.

Но женщина, сидевшая рядом, как раз в это время с увлечением рассказывала о последнем спектакле, который они сами ставили в своем клубе.

— Подожди, — сказала она, — сейчас я доскажу.

— Да я уже видел этот спектакль. Его показывали и в нашем ауле, — нетерпеливо сказал Вазир.

— А раз видел, так надо было сказать сразу. Я бы тебе о другом рассказала. Вот ты послушай про тот спектакль, где байский парень...

Из леса снова донесся крик птицы.

— До чего хорошая эта летняя пора, — вздохнула женщина. — Просто сердце млеет, когда поют птицы!

— Ох, ох, живот мой! — застонал вдруг Вазир.

— Ну ладно, иди тогда, — сказала недовольным тоном женщина.

Вазир, согнувшись и хватаясь за живот, побежал в сторону леса...

На обратном пути мальчиков не обгоняли ни машины, ни лошади. Они шли пешком, но за разговором время бежало незаметно, и никто не чувствовал усталости.

Габдулла рассказывал, как он скучал в больнице.

— А уж как я был рад, когда получил письмо от бабушки! — припомнил он.

— Это я писал, — похвалился Вазир.

— Хороший почерк, — солидно кивнул Габдулла.

— В письме было написано, что бабушка Нагима даст тебе отцовскую медаль, и ты будешь целый день носить ее на груди, — сказал Айдар.

— Так было написано, — подтвердил Габдулла. — Спасибо бабушке. Только я не надену эту медаль, — серьезно добавил он.

— Почему? Зачем тебе отказываться от такой чести? — удивились мальчики.

Габдулла покачал головой.

— Слава отца не переходит к сыну даже и на один день. Слава — это не шапка, — твердо сказал он.

Мальчики замолкли, с уважением глядя на своего вожака.

— Может, и так, — подумав, сказал Айдар. — Слава не переходит, но мужество отцов переходит к их сыновьям. Так сказал сам Шарифулла!

— Мужество переходит! — приложив руку к груди, уверенно подтвердил Вазир.

— К Габдулле оно уже перешло, — с восторгом сказал Якуп.

— Уж это верно! — с гордостью подтвердили мальчики.

Габдулла обнял за плечи своих товарищей.

— Смотрите, вон Кирамет!

Четыре путника остановились на холме. На самую вершину Кирамет огромным огненным шаром опустилось солнце. Освещенная этим солнцем, гора казалась вулканом, извергающим багровое, бушующее пламя. Мальчики с восхищением смотрели на свой Кирамет.

Айдар невольно запел:

Издалека, сверкая, виднеются
Белоснежные камни Кирамета...
Где только не побывают,
Чего только не повидают
Храбрый джигит и его верный конь! —

подхватили мальчики.

Впереди Кирамет! Через несколько дней «Таганок», твердо стоящий на своих четырех подпорках, отправится в поход, чтобы вдохнуть жизнь в его озеро! Ведь настоящий человек, однажды отправившийся в путь-дорогу, не побоянется никаких трудностей и не повернет назад, не достигнув своей цели. «Таганок» тоже не повернет назад, а поднимется не только на высокую, но и великую вершину!

Пройдут годы. Эти мальчики вырастут и станут джигитами. Они будут подниматься на новые вершины, более высокие, чем гора Кирамет, они оживят не одно озеро и украсят не только землю, но и небо!

Вы верите этому? Я верю.

Слово к читателю

Пришла пора, и я расстаюсь с моими маленькими друзьями из горного аула Беркутный. Перевернув последнюю страницу этой книжки, и ты, читатель, простился с ними. Разлука с друзьями всегда грустна. Поэтому я немного загрустил. А ты?

В книге ничего необычного не произошло. Ведь герои остались живы-здоровы, с ними ничего не случилось, если не считать, что был поранен Габдулла. Но и раны вскоре зажили. Мои друзья пока еще не успели совершить особых подвигов, ничем особенно не прославили ни свой родной аул, ни себя. Но все же с ними случилось нечто важное. За несколько летних недель ребята многое передумали, во многом изменились к лучшему, показали себя готовыми на мужественные поступки, к подвигу. Если потребуется, они непременно совершат их.

Кстати, о подвиге. Мне кажется, никто не совершает его преднамеренно: вот, мол, сейчас я совершу подвиг и удивлю людей, прославлю себя. Человек с полной отдачей сил выполняет свой долг перед страной и народом — будь это в труде, будь в бою — без расчета. Героизм не ищут, его проявляют там, где нужны героические усилия. Отвагу показывают не только в героических поступках, а в исключительных обстоятельствах, как, например, подвиги Александра Матросова или Зои Космодемьянской, а в любом, на первый взгляд, самом обыкновенном деле. Я считаю, главное — иметь отважное сердце, с юных лет воспитывать в себе мужественный характер, проявляя честность и бесстрашие в повседневных делах и поступках.

Мне помнится случай из фронтовой жизни. На маленьком плацдарме за Днестром весной 1944 года один наш артиллерийский расчет под сильным огнем противника прямой наводкой бил по наступающим фашистским танкам. Кругом свистели пули, рвались снаряды. Я как-то обратил внимание на заряжающего. Он с таким спокойствием заряжал пушку, словно бросал поленья в горящую печь у себя дома. Он не думал ни о подвиге, ни о славе, а сосредоточенно и уверенно выполнял свою обязанность воина-артиллериста. В то же время он совершал героический подвиг.

Я немного отвлекся, но не забыл о своих друзьях. Когда я писал эту книгу, со мной тоже кое-что случилось. Я полюбил моих мальчиков и подружился с ними. Очень. А ведь это не так уж и мало.

Был бы бесконечно рад, если бы и ты, читатель, подружился с ними. Я знаю, на дружбу не напрашиваются. Она возникает помимо нашей воли, сама собой.

Ты меня можешь спросить: «А все-таки, они пошли на гору Кирамет, оживили высыхающее озеро?» Я-то наверняка знаю, что они исполнили все, что задумали. А иначе я с ними и дружить-то не стал бы. Не люблю болтливых бездельников и ленивых мечтателей. На таких не стал бы тратить столько бумаги и чернил.

Мне нравятся такие люди, которые задумывают то, что могут совершить, и совершают то, что задумали.

Вот и все. До новой встречи, друзья!

Автор

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе этой книги	3
Аул Беркутный	5
Беседа на горе Кукрэк	7
Выборы вожака	10
Первый промах Вазира	19
Домашние дела	23
Третья подпорка	27
Слава — это не отцовская шапка	31
Примерный начал исправляться	34
«Клубочек мой кругленький...»	39
Примерный становится просто Якупом	46
В озере играет рыба... ..	51
Утро было дождливое	55
Учу лодку плавать... ..	57
После дождя	64
Второй промах Вазира	71
Попалась, рыбка, на удочку!	74
Схватка с быком	84
Письмо	89
Ответ	93
Дорога	97
Неожиданные гости	104
Слово к читателю	108

Литературно-художественное издание

Для детей среднего школьного возраста

Мустай Карим

ТАГАНОК

(повесть)

Подписано в печать 23.10.10. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура VannikovaI. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.

Тираж 1000 экз. Заказ 2.0197.10.

Отпечатано с предоставленных файлов в Государственном унитарном предприятии Республики Башкортостан Уфимский полиграфкомбинат.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.

Tarawati Kauri Kallio

3 006073 444300